

КАТЯ ТЕВА

ЗАПАХ ВРЕМЕНИ

СЧАСТЬЕ
НЕ ЗА ГОРАМИ
ИЛИ В ГОРОДЕ
В КОТОРОМ
ТЫ ЖИВЕШЬ

Катя Тева

Запах времени

<https://litres.ru/74212809>

Аннотация

Жизнь Лёши Часового превратилась в кошмар: отец привёл новую жену, дом наводнили младшие брат и сестра, и единственным спасением стала крыша - тайное убежище, где он и его друзья могли быть собой.

Илья задышался под гнетом матери-деспота. Сашка тонул в одиночестве. А Глеб скрывался от опеки, зная: один неверный шаг - и он окажется в детском доме вместе с младшими братьями.

Они верили, что их дружба нерушима... пока в их жизни не появилась Ася.

Любовь или дружба?

Верность или предательство?

И какую роль во всем этом сыграет старушка за дверью, чей пристальный взгляд сквозь глазок видит больше, чем кажется?

Их выбор изменит всё. Но какую цену каждый заплатит за него?

Внимание! В книге есть сцены курения!

*Курение вредит вашему здоровью.

Желаю вам приятного чтения! Будьте осторожны, истории ребят могут вызвать слезы.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	8
Глава 2	15
Глава 3	24
Глава 4	34
Глава 5	49
Глава 6	58
Глава 7	72
Глава 8	78
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Пролог

Алексей Часовой. 2022 год

Я выехал на скоростную автомагистраль и вдавил педаль газа в пол. По радио играла знакомая песня, и я выкрутил громкость на максимум. В ушах звенело — шумные басы смешались с шумом в голове, и я принялся подпевать. Сначала бубнил слова себе под нос, но потом начал петь во весь голос, пока мое пение не приглушило звучание исполнителя. Через минуту я надрал себе горло от пронзительного крика, но остановиться не хватало сил. Если не выплесну прямо сейчас свою боль — меня разорвет.

— Черт, черт, черт! — Я принялся стучать кулаками по рулю, не слыша, как давяю на сигнал. Бросил взгляд на спидометр и испугался — скорость сто восемьдесят километров в час.

По спине побежала струйка пота. Я выкрутил звук на минимум, сбавил скорость и прижался к обочине. Слезы хлынули из глаз, я остановился и положил голову на руль. Тело мое вздымалось и опускалось, пока я не нашел в себе силы успокоиться.

Справа с секундным свистом пролетали машины. Слева раскинулась редкая и длинная полоса пролеска. Захотелось курить, да так сильно, как никогда не хотелось, даже в юно-

сти.

Я вышел из машины, запер ее и побрел в зеленеющие заросли. Дрожащей рукой вытащил сигарету, прикурил и сел под тонкое кривое дерево. Слезы капали на дорогой синий пиджак, нос отказывался дышать, и с громким выдохом я выпустил в воздух облако дыма.

Ее слова так и стояли в ушах. Четыре коротких слова из уст ненавистной женщины. «Леша, отец умер, приезжай». Я ничего не ответил, отключив вызов. Оцепенение и шок сковали тело. Сколько ему сейчас лет? Я принялся соображать, но мозг отказался работать. Мне тридцать шесть, значит отцу шестьдесят три. Рано, чтобы отправляться на тот свет. Я даже не спросил, что случилось! Хороший сын, ничего не скажешь! А разве он был хорошим отцом? Злость, которую я так тщательно старался разбудить, вдруг исчезла. Какая разница, каким он был? Теперь-то мне что от этого?

Я поперхнулся дымом и зашелся в удушающем кашле. Хватаясь за горло свободной рукой, меня повалило на землю. Сигарету так и не выпустил, хотя в кармане лежит целая пачка.

Наконец-то глубоко вздохнув, я расслабился и уткнулся лицом в молодую майскую траву. Пахло влагой и сыростью — земля сохранила соки ночного дождя. Кто я теперь? Круглая сирота. Вот кто я. Теоретически я им и был последние двадцать лет, но только теперь понял — больше у меня нет возможности что-то исправить.

Я построил ту жизнь, которую всегда хотел иметь. Создал крепкую семью, получил образование, открыл свое дело. Мне было чем гордиться. В прошлом году я получил премию как один из лучших адвокатов города! Пошла она в жопу, эта проклятая премия! Сейчас я снова чувствовал себя никем. Все регалии и успехи стали абсолютно безразличными. Произошло то, чего я так сильно боялся все эти годы — возродился из темной памяти шестнадцатилетний парень — Леша Часовой — предатель и обманщик, который так и не смог простить самого себя.

В голову полезло все, от чего я прятался: упреки отца, его обидные слова, моя ненависть, люди, которых я так любил и потерял, те, кого я предал из-за собственной слабости.

— Нет, я не хочу! Это все неправда! — я закричал во весь голос, слушая, как эхо катится за мной следом.

Почему он не нашел меня сам, почему не поговорил? С каким сердцем жил мой отец, не зная ничего о собственном сыне?

Я попытался вспомнить что-нибудь хорошее из своего детства. А было ли это хорошее со мной? Да, пока мама жила. Он научил меня стрелять из воздушки. Он водил меня в цирк, покупал мороженое, говорил ласковым голосом.

Я перевернулся на бок и посмотрел на чистое небо. Где ты? Ты меня сейчас видишь? Вот он я, твой непослушный сын, твой позор, предатель, сделавший выбор в пользу других. Мои слезы уходили в недопоенную жадную землю. Я

размазал грязь по лицу и сел. Сигарета давно потухла, пришлось доставать новую.

Первую затяжку посвящаю Глебу — моему бесстрашному другу, которому я до сих пор завидую, вторую — Илюхе, верному товарищу и доброму смельчаку, третью — Саньку, чей живой голос и простое отношение к жизни до сих пор помогает легче жить, четвертую — худенькой кудрявой девочке, чей смех будоражил мою кровь, пятую — женщине, которая дала мне силы пережить трудности и стать тем, кто я есть сейчас, шестую и последнюю — своему ушедшему отцу, которому я так многого не сказал.

— Прости меня, папа.

Глава 1

Илья Пирогов. 2002 год

Я уселся на лавочку перед подъездом, запихнув в рот остатки булочки. Жевалась она так тяжело, что у меня свело челюсть. Никогда больше не куплю ничего в этом магазине — с маминой выпечкой не сравнить. Она готовит будь здоров — не захочешь, а наешься от пуза. Отодвинул рукав спортивной олимпийки и посмотрел на отцовские часы — почти восемь вечера. Через час окончательно стемнеет, как у негра в одном месте, а на улице ни души. Куда все подевались?

Я задрал голову и нашел окна пятого этажа. На кухне горел свет. В Сашкиной комнате — темнота. Значит, скоро спустится, уже хорошо.

Дверь подъезда противно заскрипела. Вышел дядя Петя Часовой с огромным мешком мусора.

— Привет, Илья. — Он пожал мне руку, проходя мимо.

— Здравсьте, а Леха дома? — крикнул я вдогонку.

— Шляется где-то, — бросил он через плечо. — За ним кто-то заходил. Я думал, ты. Значит, не ты.

— Точно не я.

Но дядя Петя уже скрылся за углом, направляясь к мусорным бакам.

Сашка спустился минут через десять. Мы ударили по рукам.

— В сортире, что ли, сидел? — пошутил я.

— Нет, картошку чистил. Маман запрягла помогать. А где все?

Он уселся на лавочку, растопылив ноги.

— Лехи нет дома, отец его сказал. За Глебом не заходил. Куда пойдем? — Мне хотелось услышать предложение от друга, так как своих не имелось.

— Можем и здесь посидеть, только семечек бы купить.

— Обижаешь! — Я полез в карман и вытащил целый кулак черной мелкоты. — У батяка позаимствовал. Он целую сковородку нажарил. Куда ему столько одному?

От соседнего подъезда вереницей потянулись бабки. Уселись напротив нас, поправили подвязанные платочки и принялись нас разглядывать, как памятники в музее.

— Не лузгайте на землю! — сделала замечание толстуха с третьего этажа.

— А вы за своим подъездом следите! — огрызнулся Сашка. Имел право. Как ни крути, это и его дом.

— Ты чего хамишь старшим? — подключилась вторая.

Сомнений не было — они только этого и ждали. Специально пересели поближе.

— Как вы мне, так и я вам, — ответил Сашка, складывая шкурки в кулак.

— Вот матери расскажу, получишь! — Толстая сложила

руки на необъятной груди.

— Пошли отсюда. — Я дернул его за рукав.

Саша поднялся на ноги, выплюнул мокрую кожуру прямо им под ноги и пошел прочь от подъезда.

— Вот твареныш, ты посмотри! — слышалось вслед.

— На заброшку? — предложил я. — Туда они точно не придут.

— Эти куда угодно придут! — Он обернулся. — Ладно, пошли. Жалко, что пацанов так и не дождались.

Мы миновали стройные ряды свеженьких девятиэтажек, между которыми, как беспризорники, все еще ютились старые сгорбившиеся дома. В одном из них до сих пор жил Глеб. Потом завернули за угол, вышли на парковую аллею, дошли до круглосуточного магазина, освещенного огромным уличным фонарем, прошмыгнули между мойкой и гаражами и оказались на узкой заросшей тропинке, которая вела к четырехэтажному так и не рожденному зданию. Заброшка утопала в старых корявых вишнях, окружающих ее забором. Лет двадцать назад здесь планировали построить инфекционную больницу на сотню лежачих мест, но глава администрации сменился, растратив выделенный бюджет не по назначению.

Кирпичные некогда белые стены заиграли цветными граффити, отголоском моды и беспредела местной молодежи. В разное время там обитали всякие компании. Поговаривали, что в девяностые туда боялись сунуть нос даже самые смелые. Но сейчас времена изменились, и мы туда заха-

живали без лишнего страха.

— Лучше бы на крышу поднялись, не видно ни черта! — Сашка споткнулся об ветку и чуть не упал.

— Ладно тебе ныть, дошли почти. — Я внимательно посмотрел под ноги, стараясь запомнить, куда лучше не наступать. — Светло на улице. Да и от садика фонарей хватает.

— До садика, как до Китая пешком. Полезли на второй этаж.

Мы забрались по бетонной лестнице, вылезли в оконный проем и уселись, свесив ноги на улицу.

— Слушай, а ты в духов веришь? — спросил Сашка.

— Неа, бред это все. — Я осмотрелся по сторонам и подвинулся к нему поближе. — Байки для трусов.

— А мне бабушка рассказывала, что в молодости она видела одного. — Сашка причмокнул языком, и я вздрогнул от неожиданности. — Типа, у них на работе одна женщина умерла — вены себе перерезала от горя. А потом ее дух явился и всех перепугал. Бабушка не одна ее видела, их несколько человек было. Как тут не верить?

— Ты debil совсем? — Я врезал ему кулаком в плечо.

Сашка рассмеялся, склонив голову до колен:

— Ну и рожа у тебя! Жаль, что никто не видит больше. — Тут он резко замолчал, вытянув шею, как у гуся. — Тихо. Слышишь?

Я прислушался. Ветки захрустели, приближая оживленные голоса.

— Идет кто-то, — прошептал я.

— Фрол. Его голос.

На дорожке появились три фигуры и три красных маленьких огонька.

— Что делать будем? — Этот вопрос меня сейчас очень волновал.

— Дальше сидеть. Мы первые пришли. — Сашка слез с подоконника и поправила штаны.

Голоса стали ближе, шорох мелких камней эхом долетел до второго этажа. Свет включившегося фонаря осветил лестничный проем.

— Поднимаются, — тихо сказал Сашка, и я поспешил встать на ноги.

— О! Ребята, да тут гости! — Олег Фролов направил нам в лица луч света.

— Это вы тут гости, — ответил я.

— Пасть свою завали, жирный! — Он оскалился. — А кощей кудрявый где? Срать, что ли, пошел?

— Смотри, как бы ты срать не пошел, — сказал ему Сашка. — Ладно, нам проблемы не нужны. Насиделись уже. Как раз уходить собирались.

Сашка кивнул мне, и мы пошли к лестнице. Троица встала в ряд, преградив нам путь. Я попытался протиснуться между Денисом и Никитой, задев последнего плечом.

— Куда прешь, толстяк? — Никита толкнул меня в грудь.

— Тебе ясно сказали, нам пора! — Я пихнул его в обрат-

ную.

Он тряхнул головой, отпрыгнул в сторону и заехал мне в глаз кулаком.

— Вы что творите, мрази? — услышал я голос Сашки.

Он кинулся на Никиту и сбил его с ног. Фрол навалился сверху, схватив Сашку за куртку. Треск рвущейся ткани заставил меня распрямиться. Я сжал кулаки и принялся молотить всех, в кого получалось попасть. Сашка оказался на полу, придавленный сразу двумя. Никита вскочил на ноги, но я отправил его обратно, отдохнуть немного. Он застонал, видимо шибанувшись башкой об бетон.

Тем временем Сашка, лежа на спине, колотил по лицу Дениса, который не успел ни опомниться, ни сгруппироваться. Я схватил Фрола за свитер, тряхнул как следует, но тут же словил второй удар в лицо.

— Сука! — процедил я сквозь зубы, занося руку кверху, не глядя, куда быю.

Сашка выбрался, поднялся на ноги и прыгнул Фролу на спину. У него такие трюки особенно хорошо получались — лет с семи он занимался футболом и волейболом. Фрол заскулил, как собака. Денис тем временем тоже успел принять вертикальное положение.

— Харэ! — заорал Денис, и Саша разжал хватку. — Валите отсюда!

— Мы вам сразу это и предлагали! — Сашка попытался приделать на место надорванный лоскут ткани на рукаве, но

тот повис обратно. — Ублюдки чертовы!

Я тяжело дышал, держась за разбитый глаз рукой. Кое-как нащупав в темноте ступеньки, мы вышли с заброшки и поплелись в сторону дома.

— Круто посидели. — Сашка остановился перед входом в парк и принялся растирать колени. — Ты вообще красавчик! Эх, вот бы зеркало сейчас сюда!

— Заткнись и иди.

Я дал ему пинка под зад и пошел вперед, стараясь разглядеть дорогу.

Глава 2

Саша Жигалов, 2002 год

Меня разбудил грохот на кухне. Керамические чашки бились друг об друга на тесной сушилке, шкафчики закрывались так, словно виноваты во всех смертных грехах, но я знал, что они тут ни при чем. Виноват был я. И маме не терпелось сообщить мне об этом.

Мы жили вдвоем, и так как я еще спал, обсудить произошедшее ей было не с кем. Я открыл глаза и посмотрел на дверь — приоткрыта. Значит, она заходила. Я прислушался. Кухня располагалась за стеной, и я по шагам мог определить, где именно мама находится. Вот она пошла в сторону окна — шаги сделались глухими и стихли вовсе. Остановилась. Открыла холодильник, значит, готовит завтрак. Снова шаги, опять холодильник. А это тяжелый лязг металла — достала сковородку. Через несколько секунд зашипело масло и что-то разбилось, затем снова — значит, на завтрак сегодня яичница. Снова запели чашки и захлопали дверцы — дошла очередь до кофе.

Тут шаги возобновились и стали приближаться. Я затих и закрыл глаза. Она идет в мою комнату.

— Саша, проснись, просыпайся, я тебе сказала! — Ее голос эхом отлетал от стен и разбивался над моей головой. —

Вставай и собирайся, быстро!

Я притворился спящим, но обмануть не удалось. Приоткрыл глаза и увидел маму — она стояла прямо у кровати, сложив руки на груди.

— Ну ма-ам, ну хватит, десять минут и встану. — Я попытался сделать вид, что только проснулся.

— Не мамкай, паршивец! Сейчас вылью на тебя ведро с холодной водой, договоришься мне! Ты как все вещи так испортил, а? Вот объясни мне? Штаны с дырой, куртка вся в ключья разорвана! Ты где был вчера вообще? — Мама наконец-то дождалась момента, когда можно потребовать объяснений.

Я невольно отвернулся и потянул одеяло на голову. Только не это! Теперь орать будет без остановки. Вчерашний вечер всплыл в моей памяти, и я застонал.

Драться я не хотел, но так вышло, само собой. Не подрули Фрол с дружками на стройку — ничего бы не было. Посидели бы с Илюхой на кирпичках, поболтали бы за жизнь, мотая высунутыми ногами из оконного проема, выкурили по паре-тройке сигарет и пошли домой или на крышу, где наверняка нас ждали пацаны. Но нет, угораздило его прийти. Он сразу сообразил, что мы вдвоем, вот и развязал свой поганый язык. Вообще-то ни у меня, ни у Ильи с ним личных счетов не было. Своим врагом он считал Глеба, а мы попадали под раздачу за компанию, чисто как его друзья. Но не вчера. В этот раз под раздачу попали они. Я сам не понял,

как так вышло. Уверен, мы легко отделались, не считая испорченных вещей.

Вчера нехорошо вышло, но моей вины в том не было. И драться мы ни с кем не собирались — по крайней мере, я точно. Но разве теперь это кому докажешь? Тем более разъяренной матери.

— Чего ты воешь там, а? С этими уродами-друзьями вчера где-то шлялся? — Мама перешла на визг, походивший больше на ультразвук. — Когда у тебя уже голова на место встанет? Они же отребье местное! Я тебя запретила, слышишь, запретила с ними общаться и к ним подходить! Что вы натворили?

Она схватила край одеяла и дернула на себя. Я успел среагировать и сдержал оборону.

«Ну все, мне хана, слушать теперь это три дня кряду», — нарисовал я себе ближайшую перспективу.

— Может, хватит так орать? — Я огрызнулся, забыв подумать о последствиях. — Ничего мы не натворили. И вообще, Илюха тут ни при чем. Это я упал.

— Ага, значит, Илюха! А я и не сомневалась, что он там был! От него одни проблемы! Упал он, бабушке своей расскажи.

— Ты быстрее меня ей все расскажешь. — Я откинул одеяло и сел на кровати. — Мам, ну мне не десять же лет, хватит меня контролировать.

— Вот именно, уже не десять, а целых шестнадцать! Са-

мое время контролировать! Два месяца до конца четверти, а ты одежду порвал! Теперь новые надо покупать ехать. К вещам относишься, как свинья! Если я хорошо зарабатываю, это вовсе не означает, что я буду покупать тебе штаны каждую неделю. Я тебя тысячу раз говорила, не носи хорошие вещи на улицу!

— Миллион, мам, миллион раз ты говорила.

Мама сняла с плеча кухонное полотенце и со всей силы хлестнула меня по спине. А потом, видимо от бессилия, прижала его к лицу и пулей вылетела из комнаты. Заплакала. Или захотела заплакать.

Я рухнул обратно на кровать и уставился в потолок. Почему вчера я не парился из-за этого? Ведь знал же, что меня ждет дома. Должен был предвидеть. Я вспомнил, как зарядил одному с ноги между ног, и улыбнулся. Вдвоем против троих — считай, победа. И черт с ними, с этими штанами!

Я, хоть и худой, ногами махать умею, футбол научил. А Илюхе тому достаточно просто прыгнуть сверху, и все, считай, враг задохнулся и сдался, с его-то массой. Он не жирный, конечно, но здоровый, как кабан. Вот бы остальным рассказать, как круто мы вчера этих уродов отделали, но чую, из дома сегодня мне не улизнуть.

Минут через десять я оделся и вышел из комнаты. Она с угрюмым лицом накрывала на стол завтрак. Я прошел в ванную умываться и почувствовал на себе ее раздраженный провожающий взгляд. Посмотрелся в зеркало — лицо целое,

уже хорошо. Под ребрами болело, но это мелочи, пройдет. И ноги гудели, как после тренировки. Я поднял руку и сжал сильнее — мышцы сбились в кучу, поднимая под футболкой круглый бицепс. Если немного набрать вес и подкачаться, то будет вообще красота. Ел я за троих, ей-богу, но от конституции никуда не денешься. Видимо, мама наградила своими генами — метр пятьдесят и сорок восемь килограммов веса. Зато темперамента в ней поместилось столько, сколько и в троих не влезет. Я-то хоть ростом вышел не маленьким — в отца. Да и блондином получился тоже в него.

Ополоснув лицо и шею ледяной водой, чтоб проснуться окончательно, я потащился на кухню дослушивать то, что не успел. Однако позавтракали мы молча. Я хотел что-нибудь сказать, немного разрядить обстановку, но не решился. Пусть остынет. Хорошо, что у меня хотя бы синяков на лице нет. Истерика была бы глобальной.

— Выходим через пять минут, — безразлично, будто не мне, сказала и принялась мыть посуду.

Я хотел спросить, куда мы едем, но решил не лезть на рожон. И какая разница куда? Ехать все равно придется.

В назначенное время и ни минутой позже, чтобы снова не разбудить дракона, живущего в моей матери, я вышел из квартиры и невольно прислушался. Мы жили на пятом этаже, а на девятом обычно собирались с пацанами. Техэтаж и крыша были нашим штабом. Если бы мама сейчас слышала крики моих друзей, то непременно бы отправилась на раз-

борки. Этого мне хотелось меньше всего, и я с облегчением вздохнул.

Одно я знал точно. Мама ненавидела моих друзей. Она была уверена, что с такой компанией я обязательно окажусь в тюрьме. Рано или поздно. Мама думала, что скорее рано, чем поздно. А этого она допустить никак не могла. Единственный сын главного бухгалтера крупного городского предприятия оказался в тюрьме для несовершеннолетних — самый страшный позор, который она могла себе только представить. Но я в тюрьму и не собирался. Мама всегда делала из мухи слона. Накручивала себя, меня и бабушку. А вот моя бабушка — это тяжелая артиллерия. Когда она появлялась у нас на пороге, нахмутив брови, — быть беде. По крайней мере для меня. Да мама и сама ее побаивалась, если честно. Что было мне на руку. Она не все ей рассказывала. Потому что сразу после лекции, прочитанной мне холодным металлическим голосом, она закрывалась со своей дочерью на кухне и таким же голосом отчитывала ее за неправильное воспитание сына и за все прочие грехи, совершенные ею на протяжении жизни.

Мой отец умер давно, я был совсем маленьким. И маме трудно пришлось воспитывать меня одной. Я помню, несколько лет назад у мамы завелся ухажер, дядя Володя. Хороший мужик, ничего не скажешь. Но бабушка встала между ними, как айсберг перед «Титаником», и их любовная лодка утонула в два счета. То время стало особенно хо-

рошим для меня, так как никому, ни маме, ни бабушке, не было до меня никакого дела.

Мама немного погоревала по дяде Володе. Бабушка месяц у нас не появлялась. А потом жизнь вошла в привычное русло, и у мамы остались две заботы — я и работа. Бабушку маминой заботой я не стал называть, потому что сама мама была бабушкиной заботой, а в обе стороны это не работает.

Мы молча доехали до торгового центра. Тишина в машине угнетала. Но не потому, что мне так хотелось с ней поговорить, а просто мама так плохо водила машину, что я еле сдерживался, чтобы не комментировать ее езду по дороге. Чуть не сбив парочку пешеходов и поставив машину на место под знаком для инвалидов, я и тут смолчал, мы зашли в единственный торговый центр, в котором помещалось от силы пять магазинов с одеждой и большой продуктовый. Большинство жителей нашего города одевались на рынке, но мама никак не хотела относить себя к большинству, поэтому ходила только сюда. Одежда, правда, была везде одинаковая, с блошиного столичного рынка, только цены разные.

Я покорно примерил куртку, которую она для меня выбрала, и несколько пар брюк. Классическую одежду я не уважаю, и мама об этом прекрасно знает, однако принесла мне на примерку именно то, что я не ношу.

— Отлично сели, — директорским голосом заявила она, глядя мне прямо в глаза.

Я догадался, чего она ждет. Сопротивления. Но я решил

не давать ей такой возможности. Тем более у меня в шкафу полно шмоток, которые еще можно поносить.

— И правда. — Я покрутился перед зеркалом, делая вид, что мне нравится. — У тебя отличный вкус.

Она цыкнула и закрыла шторку в примерочную. Я переоделся и направился к кассе, но маму там не застал. Ее голова мелькала между рядами в женском отделе. Я помахал ей рукой, подзывая к себе, но реакции не последовало.

— Поехали. — Я подошел поближе.

— Мне тоже кое-что нужно, если ты не заметил. — Она приложила к себе ярко-красное платье и опустила голову, чтобы рассмотреть его.

Я поморщился. В таком наряде только в кабаре выступать, совсем не ее стиль.

— К генеральному на юбилей идти, а мне надеть нечего.

Я не понял, она говорила это мне или самой себе, поэтому ничего не ответил.

— Может, я поеду домой? Отсюда на автобусе недалеко, — Я шел за ней от одного ряда к другому, прижимая к груди новые брюки и куртку.

— После того как я куплю платье, мы зайдем в продуктовый, купим торт и поедем к бабушке. — Она сказала это тихо и как бы между делом, но я остановился как вкопанный. — Не бойся, про твои проделки она не узнает, если ты сам ей об этом не расскажешь.

Она бросила в мою сторону короткий взгляд, который яс-

но дал мне понять — мама решила меня проучить за все. Я застонал и уронил голову на грудь. Она же, заметив реакцию, улыбнулась и сняла с вешалки очередное платье.

— Мог бы прощения попросить за свое поведение, — все еще не глядя на меня, сказала она.

— Ма, прости меня, ну пожалуйста. — Я приобнял ее за плечи и поцеловал в щеку.

Она улыбнулась, едва приподняв уголки губ. Значит, лед тронулся. Мама никогда не могла долго злиться. Кричала, угрожала, шантажировала, но потом успокаивалась и прощала. Я знал ее лучше, чем она меня. Так уж повелось в нашей семье. А как иначе? На улице с пацанами я был самым собой, а дома — примерным единственным сыном.

Проколы случались, вот как вчера, например. Но и тут выход нашелся. Подумаешь, получил один раз тряпкой по спине. А провести вечер с бабушкой, так это вообще легкотня. Расскажу про учебу, похвалю ее стряпню, сделаю вид, что мне интересно ее слушать, задам пару вопросов, и все — свобода!

Глава 3

Илья Пирогов, 2002 год

Я сидел на крыше соседского дома и грыз семечки. Слетелись вороны и раздражали меня своим ором.

— Брысь, суки черномазые! — Я попытался пнуть одну, самую наглую. Но промахнулся.

Доходило три. Где их всех носит? Уже целый час я сижу в одиночестве на крыше. И никого.

— Вот черти поганые! — выругался я то ли на птиц, то ли на своих припозднившихся друзей.

Фингал под глазом немного болел и припух. Завтра еще и в школу идти. Засада полная. Надо уговорить мать, чтобы разрешила дома отсидеться.

Я здорово ему надавал, этому ублюдку. Я вспомнил вчерашнюю драку и растянул губы в довольной улыбке. Хорошо хоть мозгов хватило матери наболтать, что я за девчонку заступился. Она, правда, не стала хвалить меня за это, но и ругать сильно не начала, как обычно. Вообще моя мама часто ругается, нам с отцом достается регулярно. Все это потому, что она нас любит сильно, я знаю. Страх у нее, женский. Вообще женщины сложнее устроены, чем мы, мужики. У нас все конкретно и просто, не то что у них. Как говорит отец: «Натуры тонкие, лучше не связываться».

Помню, как она лет до восьми со мной на улицу ходила — просто мрак. Ни матом ругнуться, ни сплюнуть хорошенько. Всех друзей от меня отвадила. Другое дело, когда со мной ходил отец. Не добровольно, конечно, а по требованию жены. Правда, он быстро находил себе компанию, а я, счастливый и довольный, делал то, что мне нравится. Но компанию я все-таки завел. В школу маму, слава богу, не пускали.

Дверь чердака закрипела, и я увидел своих друзей. Глеб по привычке засунул руки в карманы и натянул воротник старого растянутого свитера до подбородка. От природы ему достались кудрявые волосы, которые до такой степени выглядели спутанными, что расчесать их не представлялось возможным. Наверняка он пошел в отца, которого никогда в жизни не видел, потому что на свою мать он вообще не похож. Кожа у него всегда бледная, даже летом, когда загар липнет к каждому, кто выходит на улицу, да и глаза у него редкого голубого цвета, слишком светлые. Если бы я его не знал, то принял бы за наркомана, но таким Глеб никогда не грешил.

Другое дело Лешка — он всегда прилично одевался и выглядел вполне солидно для своего возраста. По крайней мере, мыл голову и стирал одежду, когда требовалось.

— Где вас носит? — Я спрыгнул со старых колес, которые служили нам и стульями, и столом. — Сиги есть?

Я пожал руку сначала одному, потом другому.

— Ну и синяк у тебя! — присвистнул Леха, засмеявшись.

— Красавчик, да? — Я поддержал его громким смехом, и вороны шуганулись в разные стороны, бросив шкурки от семечек.

Леха достал пачку сигарет и протянул мне. Я смачно затянулся, что аж голова закружилась. Не курил со вчерашнего дня. Нервы сразу пришли в порядок, и стало хорошо.

— Ну рассказывай. — Он сел на шину и тоже закурил. — Вы куда вчера с Саньком пропали?

— Какого хера нас не дождались? — Глеб начал ходить взад и вперед. — Вообще дураки, идти на заброшку вдвоем? Саня что, тоже подранный, как собака? — Глеб засунул руку в карман и достал телефон.

Я приготовился ответить, но редкая вещь заставила забыть о том, что я собирался сказать. Я мечтал о мобильнике, но мои родители не могли его позволить — слишком дорого. В школе только несколько человек завели телефоны, и то только те, у кого родители побогаче. Звонить, правда, было мало кому — карточки хватало от силы на несколько разговоров.

— Ты где телефон взял, псих?

Мы с Лехой подскочили к нему и уставились на телефон. Сказали в один голос, как по шаблону.

Шикарная черная трубка оказалась чуть больше ладони. Такого я еще ни у кого не видел.

— Дай подержать! — Я попытался выхватить трубку у него из рук, но он ловко увернулся и не отдал.

— Там больше нету, — оскалился Глеб и принялся тыкать на кнопки. — Давайте Саньку на домашний позвоним?

— Ты чего, его мамашу не знаешь? — Я схватил его за руку. — Ей лучше на глаза не попадаться, меня уж точно порвет!

Такой трофей в его руках не сулил ничего хорошего. Глеб, как мне кажется, по поводу этого не парился. Он всегда тянул себя в пропасть, не осознавая, что тянет и других за собой. Такая натура, от нее не спрятаться, не скрыться, прямо как в песне поется.

Я докурил и подошел к краю крыши. Вид был такой — закачаешься! Ветер сильный, прохладный, но солнце яркое, как летом. На крыше сейчас хорошо, не то что зимой — заывает так, что головы не поднять. Весна, лето и осень до середины — наше время. Свой собственный штаб, на который чужой ноге ходу нет. И только мы, шестнадцатилетние пацаны, здесь полноправные хозяева.

Я бросил окурок вниз и вспомнил, что так и не рассказал о вчерашнем происшествии. Захотелось попросить телефон еще раз, чтобы рассмотреть получше и почувствовать в своих руках, но Глеб его запихнул в карман, давая понять, что не собирается делиться. Я знал, что он появился у него нехорошим путем, но отец меня учил: «Меньше знаешь, крепче спишь», поэтому я решил больше не спрашивать. Честно признаться, на меня это наставление плохо действовало — оставаться равнодушным не умел.

— Дело такое, — начал я, повернувшись к пацанам, — сидели мы вчера с Саньком у подъезда, думали, решали, куда податься. Вас, кстати, ждали. Вас где носило?

— У меня вчера мать в больницу увезли, я дома был, — сказал Глеб. — Леха под окнами сидел. Блин, я так жрать хочу, дай семечек.

Он протянул мне руку, и я ему насыпал целую горсть.

— Ну так вот. Вас мы не дождались, — продолжил я свой рассказ, — и решили сходить на стройку, чисто на перекур. Тут заваливается Фрол с двумя друзьями. Слово за слово, и понеслось. Не бежать же нам оттуда? Теперь полюбуйтесь! — Я жестом показал на свое лицо. — Их трое было, а нас всего двое. Так что я не расстроен, а даже горд собой! — Я расправил плечи и засмеялся.

— Ну вы и олени, конечно, — Глеб покачал головой и присвистнул. — Уясни, что Фрол подонок, который только и ищет, кого нагнуть! И с ним мы должны разбираться только тогда, когда мы все вместе, понял? Он точит зуб на меня, а вас пытается задеть только потому, что вы мои друзья. Он хочет отомстить за тот случай в парке, когда я опозорил его прямо при девчонках. Никак не может успокоиться.

— Он прав. — Лешка откашлялся. — Хорошо, что так вышло. Но в другой раз все может быть по-другому. Фрол обнаглел, он сам нарывается, хочет всем доказать, что он главный на районе.

— По херу, было и было. — Я решил закончить эту тему

и перейти на другую. — Что у тебя с матерью? Допилась до чертиков, а? — обратился я к Глебу.

— Да как обычно. Я пришел, а она на полу валяется, даже до дивана не доползла. Я решил проверить, а она не дышит. Хорошо хоть Леха со мной был. Он побежал домой и вызвал «скорую». Они ее в больницу увезли. Прокапают — очухается. — Глеб сделал безразличное лицо, но я знал, что он злился.

Его мамаша — это вообще отдельный экземпляр в нашем дворе. Живут они в трехэтажке напротив моего дома. У них не квартира, а настоящий притон собирается. Пьют, гуляют, дерутся, орут. Как в дурдоме, только все пьяные. Глеб парень неплохой, но озлобленный сильно. Сдружились мы с ним года три назад, в шестом классе. Случай помог. Он до этого всегда молчаливый был и нелюдимый. Сидел один, гулял один, как бобыль. С Саньком и Лехой-то я дружу давно, с самого детства, уже и не помню толком, как наша дружба началась. А вот про Глеба хорошо помню. Запоминающееся это оказалось событие. Сидели мы с пацанами за школой, уроки прогуливали и в карты играли. Только карты те были с голыми бабами и были они моими. Я их как в школу при-тащил, так за мной все пацаны таскались, покажи да покажи. Ну я и хвалился ими направо и налево. Так вот, сидим мы, значит, играем, угораем, и тут директриса из-за угла выплывает... Ну мы шухернулись все, кто куда побежали. А карты я спрятать не успел. Директриса карты схватила да как

начала причитать. Чьи, говорит, признавайтесь! А я не мог, мне мать голову открутит в два счета. Ну и Глеб, который тихонечко с нами сидел, уж больно захотелось ему на баб голых посмотреть, тихо промямлил, что, мол, его это карты, у материного сожителя типа украл. От класснухи с директрисой ему знатно тогда влетело. А мамаша его даже не поняла, что произошло. Спас он мою шкуру тогда, короче говоря. А история с картами замялась быстро. Я помню, директриса тогда карты отняла, а одна карта улетела, валет червовый. Мы ее нашли и Глебу на память подарили. Потом года два, наверное, как кто-нибудь скажет «валет червовый», мы ржать начинали как сумасшедшие. С тех пор мы взяли его в свою компанию, на поруки, так сказать. Родители мои сначала против него возражали, уж больно неблагополучный. Потом матери моей стало его жалко, смирилась, так сказать, но в дом приводить не разрешала. Боялась, что стащит что-нибудь. Глеб на такое способен, отрицать не стану, но у своих никогда не возьмет, в этом я уверен. Мама иногда в школу мне лишний бутерброд положит или вещи какие соберет, чтобы я ему передал. Он правда худой и высокий, как палка, не то что я, расту, как на дрожжах, и вверх, и вширь. Вот что мне мало, то Глебу велико. А велико — не мало, носить можно. А потом моя мать помогла ему пенсию оформить через собес, чтобы он с голоду не помер. Подруга у нее там работала, через нее и договорилась. Правда, он толком не ест ничего, а только сигареты покупает. А мамаша его, тварь она,

вообще потерялась в этой жизни. Она еще вроде как троих родила, но их в детдом всех забрали, когда они маленькими были. А Глеб с ней остался, он самостоятельный. Про его братьев и сестер мы с ним разговор не заводим. Неприятно ему об этом говорить. А мамашу свою он сам ненавидит и презирает, про нее можно всем говорить, на это он не обижается. Он говорит, что главное, чтобы она до его совершеннолетия дожила, не померла, иначе его в детдом отправят. А туда он ни за что не поедет, и придется ему пуститься в бега. Вот мы все и переживаем, что она помрет от пьянки и ему придется скитаться.

Такую жизнь никому не пожелаешь. У меня родители, конечно, строгие, особенно мать, но они не пьют, а это самое главное. Ну как не пьют, не чтобы совсем не пьют, на праздники выпивают. И когда отец в гараж ходит, он там с друзьями пивом балуется. Он раньше меня часто с собой брал, я сам видел, но как-то раз матери проболтался. И все! Закончились мои походы в гараж. Больше он меня с собой не брал. Я маленький был, классе в четвертом. Сейчас я понял, что мужики друг друга не выдают.

Теперь мы и сами можем купить все, что хочешь, хоть пиво, хоть джин-тоник, крепче ничего не берем, нам и этого хватает. А сигареты поштучно продают в каждом ларьке. Денег нет — таскаем у взрослых, они и не замечают, если делать по уму. Правило простое — не брать первую и последнюю. Совсем хорошо, если пачка на середине, тогда точно

не заметят.

Я помню, мама мне сказала, что Глеб — человек без будущего. Я тогда не понял до конца смысла ее слов. Но я часто думал об этом. Неужели если твоя родня неблагополучная, то и ты обязательно станешь таким? Я часто смотрю на него и пытаюсь понять, каким он видит свое будущее. Но иногда мне кажется, что он живет только настоящим, сегодняшним днем. Выжить — вот его задача, какое уж будущее.

Надеюсь, что мама ошибается. Может, она это и сказала между слов, но я запомнил. Будущее есть у всех, мне в это хочется верить. От таких мыслей все становилось его жалко, хотелось поддержать, протянуть руку, поделиться.

Мы сидели на крыше и молчали. Каждый думал о своем. Мы курили и грызли семечки. Я выкурил подряд пять сигарет. Меня аж затошнило. Накурился впрок, как говорится. Если мама заметит, скандала не избежать.

Крышу мы оборудовали под себя прошлым летом. Мы здесь собираемся только вчетвером. И Аська приходит. Ей вход разрешен. Ася — наша одноклассница. Нормальная девчонка, что удивительно. Я вообще с женским полом не очень схожусь, не доверяю, так сказать. Я, правда, был против, боялся, что она разболтает кому-нибудь, но Лешка за нее поручился, так что я согласился. Но только одной ей на крышу нельзя, это табу. Только с кем-нибудь из нас.

У нас даже палатка имеется, Глеб с какой-то помойки при-тащил, но она почти целая, только потрепанная по бокам.

Шин валяется штук пятнадцать, не меньше. Как мы их собирали и сюда тащили, чтобы никто не заметил, целая история. Хорошо, что Леха живет на девятом этаже. И если кто на лестничную клетку выходит, то мы делаем вид, что к нему пришли. А если никого нет, то мы быстренько прошмыгнем на крышу и сидим здесь, сколько нам вздумается.

Благо у Лехи соседи очень тихие и их практически никогда не видно. Одни вроде в частный дом переехали, редко приходят квартиру проверить. А в другой, в последней квартире живет старая карга, которая из дома выходит в магазин два раза в неделю, да ей до нас дела нет. Глухая, наверное, или слепая. Что там с ними в древности случается...

Просидели мы в этот раз почти до вечера. Прождали Санька. Но он так и не появился. Хотели узнать, как у него дома дела и не пришибла ли его мать. Я-то видел его вчера, он все вещи порвал в драке. Его мать категорически против, чтобы он с нами общался. Она слишком важная птица, и мы не ее полета, видимо. Но это не ей решать. Не ей...

Глава 4

Леша Часовой, 2002 год

Годовщина. Уже прошло восемь лет, как мама умерла. Восемь долгих лет без нее. Знала ли она, как сильно я буду по ней скучать! Знает ли сейчас? Интересно, куда деваются души после смерти?

Я был так измотан к своим шестнадцати годам. Словно я уже старик, списанный со счетов. Для отца уж точно.

Через три месяца после маминой смерти он привел домой ее. Я возненавидел эту женщину с первой минуты, даже нет, с первой секунды. Ее черные волосы под каре, дебильные очки, лицемерную улыбку. «Алешенька»... этот мерзкий писклявый голос.

С тех пор мне не нравились брюнетки. Они все напоминали ее. Мне было всего восемь. Но я понял все. Я словно лишился дома, тепла, жизни и любви в один миг.

Когда мамы не стало, я чувствовал холод и пустоту. Жаль, что пустота не болит, она просто изматывает тебя до нитки, вырывает душу, превращает твою жизнь в вечный полет в пропасть.

Отец ничего не чувствовал. Я всматривался в его глаза в поисках той боли, которую испытывал сам. Но ее там не было. Он убегал по вечерам, возвращаясь поздно в приподня-

том настроении. Сейчас я знаю — от нее.

Я остался один в своем горе, как птенец, брошенный кукушкой. Только друзья у меня остались. Ближе них нет никого.

Иногда я смотрел на Глеба и презирал его за то, что он ненавидит свою мать. Я часто думал, что страшнее: потерять маму навсегда или существовать рядом с навеки потерянной алкоголичкой? У меня не было ответа. Я не жил в его шкуре, а он мечтает оказаться в моей. Дурак.

Отец настолько ушел в свою жизнь с головой, что перестал замечать мою. Однажды поздним вечером я услышал, как он звонил своей матери, моей бабке. Общались мы редко, близки никогда не были. У нее мой отец в любимчиках не ходил, а за ним и я потянулся автоматически. Он просил ее забрать меня к себе. На время. Она отказалась. Я не удивился, вешать на себя ребенка никому не интересно. Мамина мама, моя настоящая бабушка, умерла давно, мне было года три, я ее практически не помнил. Осталось одно воспоминание — как она приходила с подарками, целовала, поднимала на колени, гладила по голове. И то, может, это проделки памяти, разбавленной фантазиями. Она умерла молодой. Как и мама.

Иногда я жалел, что не родился девчонкой, может, и моя жизнь была бы недолгой, как и у них. Вдруг сердечные болезни передаются только по женской линии? А сейчас я жил и не понимал, сколько мне отмерено. Одно я знал точно — я никогда не прощу своего отца. Сейчас я ненавижу его даже

больше, чем в детстве. Потому что я понял, она появилась задолго до маминой смерти. Он едва вытерпел три месяца, после которых притащил эту тварь в наш дом, и она заняла мамино место.

За восемь лет их совместной жизни они родили двоих спиногрызов, мальчика и девочку, которые орали, как полоумные, и вечно путались под ногами. Я молился, чтобы их дети родились больными уродами, но Бог не услышал меня. Наверное, его нет, либо он хладнокровен, как змея. Иначе нет ему оправдания. Я занял маленькую комнатку без окна, в которой раньше была кладовка. На двери висел замок, который я сам смастерил, и никому не разрешалось ко мне заходить. Особенно ей и отцу. Они, собственно говоря, и не сильно стремились. Они ждали, когда я поскорее вырасту и исчезну из их дома и из их жизни. И я ждал.

Учился я плохо. Специально, назло ему. Хотя некоторые предметы мне нравились. Я неплохо разбирался в истории и географии, мне давалось обществознание и английский, но выше чем на четверку я не старался. Зачем?

Иногда я мечтал, что я умру. А он будет стоять над моим гробом и плакать. Сожалеть обо мне, винить ее. Но я знал, что он не будет плакать. Когда умерла мама, он не плакал.

Я старался не есть с ними за одним столом, перемещался по квартире только тогда, когда никого не было на горизонте, или уходил на крышу и сидел там, только чтобы не видеть их рожи и не слышать их мерзкие голоса.

Я не знаю, что творила эта ненависть со мной, разрушала ли она или делала сильнее, но я жил ею, не желая отпустить от себя ни на миг. Иначе предам самого родного человека на свете.

Раньше я старался отравить отцу жизнь, как мог: дрался, ссорился с учителями, таскал домой всякое отребье. Однажды мои дружки даже украли их вещи. Орал он тогда как резаный. Услада для моих ушей.

А она первое время даже пыталась со мной подружиться. Помню, в поликлинике заявила, что я ее сын. Как же я ее опозорил тогда! Жаль, так хорошо у меня удалось только в тот раз! Наговорил ей такого, прямо при всех, что мы бежали из поликлиники, как с пожара. Дома она рыдала и билась в истерике, жалуюсь отцу. Он отлупил меня со всей дури. Но я не извинился перед ней. Я не жалею.

Сейчас, когда мое совершеннолетие не за горами, я перестал воевать. По крайней мере, так открыто. Просто жил и ждал. Этим летом пойдем с ребятами искать работу. Глеб точно пойдет со мной. Ему нужно хоть как-то кормиться. Он лет с тринадцати ходит подрабатывать. Я думаю, он и школу бы давно бросил, но боится органов опеки — упекут его, как пить дать.

Длинными темными ночами я улетаю с головой в свои мечты, от которых становилось тепло и приятно на душе. Вот я последний раз переступаю порог этой квартиры, в руках у меня сумка с вещами, в кошельке — деньги, скопленные на

будущее, а рядом — она, моя любимая, готовая бросить все ради меня и уйти в новую свободную жизнь. В моих фантазиях не было страха признаться в любви.

Доходило десять вечера. Я накинул на плечи куртку и запихнул в карман пачку сигарет, ворованных у отца. Он знал, но молчал, делал вид, что не замечает. В коридоре я остановился у телефона, висящего на стене, и набрал номер.

Услышав знакомый голос через несколько гудков, я облегченно вздохнул.

— Пойдешь на крышу? — спросил тихо, чтобы никто из домашних меня не услышал.

— Сейчас? — шепотом уточнила она. — Сестра легла спать. Даже и не знаю... А кто будет?

— Никого, только мы с тобой. — Я разочаровался. — Пацаны сидят на заброшке.

— А ты почему не с ними?

— Они звали, я не захотел. Настроения нет. Ну так что, пойдешь? — Надежда не отпускала меня.

— Хорошо, сейчас подойду к твоему подъезду, дай мне десять минут.

— Я встречу внизу! — чуть громче, чем следовало, ответил я.

Не дожидаясь лифта, я бегом устремился по лестнице с девятого этажа. Выкурив всего одну сигарету, я увидел в темноте знакомый силуэт. Ася шла, закутавшись в куртку и ози-

раясь по сторонам. Ее светлые курчавые волосы были собраны в неопрятный пучок, домашние треники с вытянутыми коленками, торчащими из-под куртки, дали понять, что она не стала заморачиваться. Уверен, если бы здесь еще кое-кто был, она бы непременно надела джинсы и распустила волосы. Я прогнал эти мысли прочь, потому что от них неприятно сдавливало в груди.

— Привет, придурок. — Она хлопнула меня по плечу и прошла в подъезд вперед меня.

— Быстро ты. — Я не нашел ничего умнее после слова «придурок».

Мы дождались, пока приедет лифт, и поднялись на мой этаж. Оглядевшись по привычке по сторонам, мы полезли на крышу. Прохладный ветер ударил в лицо, и Ася посильнее запахла куртку. Я накинул на голову капюшон и уселся на шины.

— Хорошо, что пришла, — сказал тихо, не глядя в ее сторону.

Я молча протянул ей пачку сигарет и зажигалку. Она взяла.

— Жвачка есть? — спросила Ася, прежде чем закурить.

Я вытащил из кармана маленький квадратик «love is» и показал ей. Ухмыльнувшись, она схватила ее с моей руки, будто побоялась, что спрячу ее обратно.

— У тебя одного всегда есть жвачка!

— Да, я их люблю.

Я попытался скрыть свое вранье. Я никогда не жевал жвачку, но она всегда у меня была.

— Не понимаю, почему ты не с пацанами? — Ася громко выпустила дым и замахала руками перед собой. Боялась, что куртка провоняет. Ее наивность всегда меня удивляла.

— Сказал же, не захотел. Вот и все. Чего ты пристала?

— А Глеб где? Тоже на заброшке? С Ильей?

— Даже Санек там, у него мать в командировку укатила. Он ей отзвонился, что спать ложится, и ушел гулять. — Я договорил и выпустил дым в небо.

— Ни фиги себе! Повезло ему! Когда тетя Лариса дома, он после девяти уже готовится ко сну, — Ася громко засмеялась, что эхо побежало по пустынной крыше.

— Тише, соседей разбудишь! — Я машинально оглянулся на дверь, ведущую на крышу.

— Каких соседей, боже ты мой? Там не слышно ничего! — Она докурила и швырнула окурочку на крышу. — Банка где?

— За палаткой, наверное. — Я хотел было встать, но в этом уже не было нужды.

— Слушай, а в семьдесят второй квартире жила женщина, она еще не переехала? Давно ее не видела.

— Там бабка старая, одинокая. Ей лет сто, наверное. — Я снова оглянулся, будто опасаясь, что кто-то зайдет. — А что?

— Просто спросила. — Она потянулась к пачке сигарет, которую я оставил на колесе позади себя.

— Частишь, подруга, одну за одной — нехорошо, голова закружится и тошнить начнет. — Я хотел перехватить пачку, но не успел.

— Не твое дело! — фыркнула она. — Или тебе жалко, что ли? — Ася стукнула меня кулаком в плечо.

Больно.

— Коза. — Я спихнул ее с шины, но она удержала равновесие и не упала.

Ася снова прикурила и выпустила дым мне в лицо:

— Чего позвал меня, а?

Мне так много хотелось рассказать ей. Сообщить о своих планах, в которых и для нее нашлось место, но я не мог выдавить и слова. Я боялся, что могу потерять нашу дружбу навсегда. Я не готов был признаться себе, что понимаю: у нас не взаимно. Плюс ко всему, мне постоянно строила глазки Асина подруга, Светка, и Ася активно пыталась нас сосватать.

— Чего молчишь, забыл, что ли? — Она снова попыталась стукнуть меня в плечо, но я успел отскочить.

Поднявшись на ноги, я уж было хотел открыть рот, чтобы сморозить какую-нибудь глупость, но услышал шум внизу, на моем этаже.

Ася подпрыгнула на месте и бросила сигарету в сторону. Быстро распаковав жвачку, она сунула ее в рот и принялась активно жевать.

— Тс... — Я посмотрел на нее и прижал палец к губам.

Мы подошли к металлической двери, ведущей вниз, и приложили к ней уши. Наши лица оказались так близко друг к другу, что я ощутил на себе ее дыхание со вкусом табака и жевательной резинки. Она чавкала, как пятилетка, открывая широко рот. Я прислонил палец к ее губам, который она тут же гневно смахнула. Послышались знакомые голоса и стуки.

— Открывай... карга старая... денег давай! — Голос пьяного Глеба заполнил всю лестничную клетку.

Стук повторился, и я с ужасом понял, что они ломаются в чью-то квартиру.

Ждать не имело смысла, и мы с Асей, не сговариваясь, вылетели из двери и спустились на этаж. Глеб, Илья и Сашка стояли у квартиры семьдесят два и стучали в дверь. Они еле держались на ногах от выпитого спиртного.

— О, а кто это у нас здесь? — Илья нас заметил.

Он обхватил меня за шею и повис, словно мешок.

— Ребята! — Глеб громко икнул и облокотился на стену. — А вы что тут делаете? Вдвоем? — Он попытался отойти от стены, но не вышло. — Трахались, что ли?

Ася судорожно начала поправлять волосы, а я шагнул в его сторону:

— Тихо, заткнись! — Я покосился на дверь своей квартиры.

— Сука, не открывает. — Он снова начал стучать кулаками в дверь. — Открывай, сука! — Глеб навалился на дверь и орал прямо в замочную скважину.

— Вот дерьмо. — Я схватил его за свитер и начал тащить от двери.

Сашка тем временем присел на корточки и дремал в углу. Видимо, отсутствие матери дома снесло ему голову окончательно. За дверью была тишина.

Тут Глеб расстегнул штаны и начал мочиться прямо на дверь и на полы в подъезде. Ася вскрикнула и закрыла лицо руками. Илья снова повис на моем плече.

— Дружище, — проямлил он, чуть не свалив меня на пол.

Остановить Глеба мне не представлялось возможным, но я хоть немного оттащил его от чужой двери.

— Что вы делаете?! — Мой ужас достиг предела. — Зачем вы ломитесь к ней?

— Нам нужны деньги! — еле волоча языком, проговорил Глеб. — А у старых бабок всегда есть деньги!

— С чего ты взял, что она тебе должна отдать деньги? — в разговор вмешалась Ася. Ее голос дрожал, она словно вот-вот заплачет.

— Она скоро подохнет, зачем они ей? — не унимался Глеб.

Мое желание врезать ему нарастало. Тем более я был крупнее его в два раза. Тут я услышал странный звук и обернулся. Сашка сидел на полу и блевал.

— О нет. — Заплакать захотелось и мне.

— Ничего, ничего. — Пьяный Илья кинулся к нему, по-

скользнулся и упал прямо в рвоту. — Фак! — заорал он и принялся размазывать все по штанам.

Я услышал, как открывается дверь моей квартиры и в дверном проеме появляется фигура отца.

— Здравсьте, — виновато протянула Ася и снова закрыла глаза ладонями.

Отец молча оценил обстановку.

— Вы совсем с катушек слетели, уроды малолетние?! — закричал он. — Вы чего творите, козлы?

— Мы сейчас уйдем, закрой дверь, пожалуйста. — Я не смотрел в его сторону.

— Даю вам две минуты, чтобы вы все исчезли отсюда! — Отец обвел взглядом площадку. — А ты, Алексей, уберешь здесь все, чтобы я и следа от вашего визита не обнаружил!

— Извините, мы все уберем. — Ася заплакала.

— Завтра нас ждет серьезный разговор! — Отец смерил меня гневным взглядом еще раз и исчез в квартире, хлопнув дверь.

Но в гневе был не только мой отец. Есть поступки, последствия которых не так просто стереть.

Сашке, видимо, полегчало после извержения, и он смог встать.

— Илюха, — обратился он к Илье и положил руку ему на плечо, — ночуешь у меня.

Благо Сашка жил на пятом этаже. Ася вызвала лифт, помогла им в него загрузиться и нажала на нужный этаж. Мы

остались втроем. Глеб дремал, облокотившись на стену. Эхо принесло нам звон ключей, свалившихся на бетон, и голоса с пятого этажа. Мы с Асей стояли тихо и смотрели друг на друга. Я молился, чтобы они еще кого-нибудь не разбудили. Когда возня стихла, стало ясно, что они зашли в квартиру. «Если бы Сашкина мама была сейчас дома, то до утра он бы точно не дожил», — мелькнула мысль у меня в голове. Но, к счастью, она была далеко отсюда.

Мы повернулись к Глебу.

— Его нужно отвести домой, — сказала Ася, присев перед ним на корточки.

— Может, затащим его на крышу? Пусть переночует в палатке.

— Слишком холодно. — Моя идея ей не понравилась.

— Притащим одеяло, — предложил я. — Только я вряд ли смогу.

Я кивнул на свою дверь, и Ася поняла, что я имею в виду разъяренного отца.

— Его надо домой, на крыше такому пьяному опасно.

Я не мог с ней не согласиться.

Глеб открыл глаза.

— Ася, Ася, ты где? — позвал он.

Она помогла ему встать:

— Что? Я здесь.

Он обнял ее и уткнулся ей в шею.

— Я пьяный, — тихо сказал Глеб.

— Я вижу. — У Аси подогнулись колени от его веса.

— У тебя жвачка. — Глеб поднял голову и попытался ее поцеловать.

Она никак не могла отстраниться, и его губы впились в нее, словно пиявки.

Я схватил его за свитер и начал оттаскивать. Ася вывернулась и освободилась.

— Тебе нужно домой. — Ее голос был тихим, а глаза красные.

Я вспомнил, что она плакала.

— Можно мне к тебе домой? Можно я с тобой лягу? — Глеб опять протянул к ней руки, пытаясь ухватить за руку.

— У тебя крыша поехала? — Я вмешался в разговор, потому что слушать этот бред больше не намеревался. — Пойдем, — я обратился к Асе, стоявшей в замешательстве в стороне.

Она запахнула куртку и обняла саму себя обеими руками.

— Застегнись! — велел я, посмотрев ей в глаза.

— Замок сломан, — опустив взгляд, ответила она и нажала кнопку лифта.

Я подхватил Глеба одной рукой и помог ему войти в лифт. Мы молчали.

— Если еще и этого вырвет, то я буду убираться всю ночь, — скорее самому себе пробубнил я.

Мы вышли на улицу и пошли в соседний двор. К счастью, трехэтажка Глеба была совсем рядом. Мы довели его до две-

ри, подождали, пока он войдет. Дома, судя по тишине, никого не было. Его мамаша все еще была в больнице. Это и к лучшему.

— Я помогу тебе убрать все в подъезде, — предложила Ася, когда мы остались вдвоем.

— Нет, тебе нужно домой, я сам все сделаю.

Я не хотел, чтобы она участвовала в этом. Но еще больше я не хотел, чтобы она видела, как я отмываю мочу со рвотой.

— Хорошо, я пойду.

Она уже было развернулась, чтобы уйти, но я не дал ей этого сделать:

— Я провожу. Не стоит идти одной.

— Мне идти триста метров.

— Ты пройдешь их рядом со мной.

Убедившись, что Ася зашла домой, я тяжело вздохнул и отправился обратно. Гнев потихоньку перерастал в усталость. Захотелось спать. Мертвецки. Рухнуть бы сейчас на свою кровать, укрыться одеялом и забыть этот вечер, как страшный сон. Но мне предстояло навести порядок на лестнице. Я зашел домой и включил свет в коридоре. Конечно, мне было плевать на сон моих родственников, но я все же постарался никого не разбудить. Меньше всего мне сейчас хотелось видеть кого-то из них. Я нашел ведро, тряпки, перчатки и пошел в подъезд. Там так воняло, что меня самого чуть не вывернуло наизнанку. Мастером уборки я никогда не был, поэтому задача показалась мне не очень выполнимой.

Отмыв дверь старухи, я принялся за полы. Так противно мне никогда не было! Я ненавидел своих дружков! Если бы дело терпело до утра, то я бы вытер полы их рожами. Закончив наконец-то с уборкой, я поднялся на крышу покурить. Апрельское небо было усеяно звездами. Ветер приятно обдувал лицо, холода я не чувствовал. Вспотел, пока убирался, и прохлада пришлась кстати.

Вдруг я задумался о старухе. Почему она не вышла? Невозможно было не услышать крики за дверью. Может, она, конечно, глухая. А может, умерла? От этой мысли мурашки побежали по рукам. Я быстро выкинул сигарету и спустился вниз. Открыв свою дверь, я на секунду задержался и бросил взгляд на квартиру семьдесят два.

— Надо бы завтра извиниться, — сказал я сам себе и скрылся за дверью.

Глава 5

Квартира 72. 2002 год

Сегодня я проснулась раньше обычного. На часах доходило без четверти четыре. Ночь еще не сдала свои позиции дню. Я решила встать с кровати, но для этого нужно было придумать себе интересное занятие, а таких идей на это утро у меня не было. Включать свет тоже не хотелось.

Я люблю дневной свет, который проникает сквозь открытые шторы и мягко вливается в комнату. Лампочки же в старой люстре давно требовали замены, и свет их был желтый, как ржавчина, а некоторые окончательно умерли еще осенью. Но меня это не печалило. Было время, когда забота о доме и домочадцах были для меня главной задачей и самыми приятными хлопотами. Как сейчас помню свои блокноты со списками важных дел: помыть окно в детской, выбить ковер, стирка и глажка, приготовление обеда, подшивание брюк, поездка за новыми цветами, покраска оконных рам и сотни других, не менее важных, чем эти.

Невольно вспомнились моменты усталости и отчаяния, когда ты чувствуешь себя белкой в колесе, которая не может с него соскочить, потому что нет для нее другого занятия, кроме как крутиться так целый день. И целую жизнь. В мо-

лодости мне мало что казалось таким ценным, как сейчас. Все ощущалось таким бесконечным — и плохое, и хорошее. Сейчас нет ничего более бесконечного, чем пустота.

Я часто думаю: почему все закончилось, а я до сих пор нет? Почему я не ушла вместе со всем, что наполняло мою жизнь? Может, Господь лишил меня всего и оставил в звенящей тишине, чтобы я поняла ценность того, что имела? Но я и так знала эту ценность.

Каждый день мысли, как рой надоедливых мух, нападали на меня, утаскивали в прошлое, из которого не было сил моих вернуться, потому что возвращаться было некуда, будущего своего я не видела.

Я постаралась зажмуриться и не смотреть в темноту. Она не сулила ничего доброго и нагоняла страх. Она была наполовину мертвой, как и я. Можно ли назвать человека живым, если его душа давно покинула его старое тело, которое уже лет десять как устало жить?

Устать жить... За эти мысли я испытала стыд и перекрестилась. Нельзя креститься лежа. Я села в кровати и перекрестилась еще раз.

— Прости меня, Господи, прости мои грешные мысли.

Я говорила шепотом, хотя могла бы кричать что есть мочи. В одиночестве ты можешь все, но уже ничего не хочешь.

Я встала с постели и открыла форточку. Свежий воздух начал заполнять комнату, и я затянулась им, как заядлый курильщик, который был в разлуке с пачкой сигарет. Надо же,

какое интересное сравнение пришло мне в голову. Иногда мне кажется, что, если бы я курила, жизнь моя была бы куда интереснее. Я бы уже не бесцельно сидела у окна, а выпускала в него клубы дыма и думала о хорошем.

Но курить я не умела, а начинать в семьдесят восемь лет было уже стыдно. Интересно, чего я стыдилась, начать курить или попросить на кассе пробить мне пачку сигарет? Тут и думать нечего. Ответ и так ясен. Незаметная старушка, которая старалась не открывать рот на публике и выходила из дома, только чтобы дойти до магазина, вдруг купила пачку сигарет. Я бы стала звездой района и объектом для пересудов быстрее, чем дошла бы до дома. Как жаль, что страх порой лишает нас яркости жизни.

Я поставила чайник, и он зашипел в ночной тишине. Птицы за окном еще спали, что придало моему одиночеству неприятный привкус.

Утром мир оживал и становился разноцветным. Я могу часами смотреть в окно и любоваться жизнью. Пусть ею живут и другие. Одно жаль, я живу так высоко, что практически не слышу, о чем сейчас говорят люди. Иногда до меня долетают крики детей, рев машин и брань местных алкоголиков, а вот простые слова остаются недостижимыми для меня.

Эх, если бы я жила этаже на втором, я могла бы слушать людей, их радости и боли, их разговоры ни о чем и о важном и быть безмолвным участником их бесед.

Чайник засвистел, и я вздрогнула, невольно прервав свои

мысли. В заварнике остался вчерашний чай, и я налила себе чашечку. Посудинка была белой в крупный оранжевый горох. Сколько же лет этому сервизу? Лет тридцать? Помню, как мы с мужем стояли за ним в очереди. Он психовал всю дорогу, потому что куда-то опаздывал, как, впрочем, и всегда. Часа два стояли, не меньше. Придя домой, я перемыла и перетерла все блюдца и чашки и поставила в сервант. Пили мы из них только по праздникам. Было жалко. Несколько лет назад я достала одну пару и стала пить из нее каждый день. Не потому, что каждый мой день был праздником. Отнюдь не поэтому. Просто эти блюдца и чашечки знали меня так давно, словно стали моими друзьями, разделяющими со мной брэнность жизни. Иногда я что-то рассказывала им, но не потому, что сошла с ума, а скорее для того, чтобы этого не случилось. Говорить с пустотой еще хуже.

Я пригубила чай и вернула чашку на блюдце.

— Вот так вот, — сказала я непонятно кому и неясно зачем.

Чашечка промолчала. А что ответить, если даже вопроса не было?

— Эх! — Я вздохнула оттого, что поняла: этот день будет таким же, как и сотни других уже много лет.

Но я ошибалась.

Я выключила телевизор в половине одиннадцатого. Закончился фильм, который я видела уже раз десять, если не

больше. Как же хорошо, что человечество придумало этот ящик. Нацепив тапочки, которые, казалось, были старше меня самой, я встала с кресла и побрела в ванную. Очень уж захотелось промыть глаза прохладной водой.

Вытирая лицо, я невольно подняла глаза к зеркалу. На меня смотрела пожилая седовласая женщина. Когда я успела так постареть? Кожа белая, как лист бумаги, смятый в комок и развернутый обратно. Глаза такие бледно-голубые, словно из них вытекли краски. Плечи узкие и сутулые, будто тянут меня к земле, словно ветку яблони, усеянную плодами. На мне был фланелевый халат, стиранный множество раз.

И вдруг, глядя самой себе в глаза, я испытала страх, да такой сильный, что он сжал все внутри меня до боли, до хруста моих дряхлых костей.

«Кто меня похоронит, если я умру? — пронеслось лавиной в голове. — Когда люди спохватятся, что меня нет? Что маленькая старушка исчезла и больше не приходит за батоном и молоком? Кто? Ведь люди не видят ничего, кроме самих себя и своих забот».

Я представила, как мое тело, выпустившее дух, будет гнить и разлагаться на постели, пока не начнет источать вонь, которая заставит моих равнодушных соседей забить тревогу. А душа моя устремится вверх, навстречу Богу, солнцу и моему мужу и, возможно, сыну.

Стук раздался так громко и неожиданно, что я подпрыгнула на месте и издала какой-то странный звук, похожий на

писк мыши, которая вляпалась своими лапками в ловушку с клеем. К стуку прибавился непонятный крик, и я машинально выключила свет. Ко мне никогда никто не приходил. Тем более в такой поздний час.

Скинула тапочки, чтобы они не шаркали по полу, и подошла к двери. Прижавшись к стене, начала прислушиваться к голосам снаружи. Мужской голос. Не взрослый. Странная дикция. Пьяный, догадалась я, и у меня промелькнула мысль вызвать полицию. Поднялась на цыпочки и посмотрела в глазок. Он не один, их трое. Волнение усилилось и расплылось по всему телу.

— Открывай... карга старая... денег давай! — заорал он прямо в дверь.

Это он мне?! Каких еще денег ему нужно? Я бросила произвольный взгляд в сторону комнаты, где стоял сервант, хранивший мои сбережения. Тратила я гораздо меньше, чем получала ежемесячно на почте в качестве пенсии. Откуда-то сверху спустились еще двое. Они были на крыше, догадалась я. Среди них появилась девочка, я увидела в глазок ее худенькое тельце, закутанное в темную куртку, которая явно была ей не по размеру. Я присела на табуретку, стоящую у двери, и стала слушать.

Я вдруг догадалась, что шум потревожит не только меня, но и остальных жильцов, поэтому почувствовала себя в некотором роде в безопасности. Дверь моя была надежно закрыта, поэтому проникнуть в квартиру они не смогут. Эти мыс-

ли еще больше укрепили мои позиции, и я немного расслабилась. Вдруг я почувствовала, как мое тело, сжимаемое от внезапного напряжения, которое я даже не успела заметить, стало ватным и тяжелым. Да уж, в моем возрасте нельзя так перенапрягаться. Ступни загудели, едва я присела — стоять на цыпочках они уже давно отвыкли.

В некотором роде я даже обрадовалась, что стала скрытым участником этого ночного приключения, так давно в моем мире ничего не происходило и не менялось.

Звук льющейся воды заставил меня прислушаться. «Это еще что такое?» — я не поняла и даже не могла предположить. Молодежь продолжала шуметь и возиться за дверью. Я снова встала и прильнула к глазку. Любопытство заставило, что уж тут поделаешь. Вдруг я увидела, как кто-то мочится прямо на мою дверь! Я беззвучно ахнула, зажав рот руками. Этого я совсем не ожидала увидеть! «Вот паразиты малолетние!» — я вдруг вспомнила, что собиралась позвонить в полицию, но дальше мысли дело не зашло.

Того, что сидел в углу, вырвало. Мне кажется, я его раньше видела где-то. Может быть, он живет в нашем доме? Последние годы я так редко выхожу из дома, еще реже рассматриваю прохожих, что уже и не знаю, как выглядят подростки. Кажется, его мать — важная персона. Но я могу и ошибаться на этот счет. Я услышала голос взрослого и вернулась к глазку. Появился сонный и злой сосед. Слава Богу! Я машинально перекрестилась. Эта привычка досталась мне

от мамы, она всегда так делала, даже если не было повода. В молодости я была уверена, что никогда не буду за ней повторять, уж без причины так точно, но годы взяли свое.

«Надо съездить на кладбище», — почему-то эта мысль посетила меня следом за воспоминанием о матери. А ведь там была не только она, а все, кого я любила когда-то. Практически все. Одиночество вдруг зацепило свои мерзкие руки на моей шее, сильнее, чем раньше. Кто эти люди за дверью? Чужие люди, живущие чужую жизнь, которые даже не знают, что я здесь и все вижу и слышу. Люди, чья жизнь еще впереди и над чьей судьбой еще пока размышляет Господь. Насчет моей он уже все решил.

Возня сошла практически на нет, и дети начали расходиться. Взрослые дети, которые уже могут себе позволить не возвращаться домой допоздна и напиться. Я стала вспоминать, были ли такие в моей молодости, но никто не пришел на ум. Молодежь становилась все смелее и свободнее с годами. Может, так двигалось вперед человечество, я не знаю, но вот та пропасть, в которую оно двигалось, была им еще неведома. Как хорошо, что я не увижу того падения, которое их всех ожидает. В душе я не желала им ничего подобного. Просто я отчетливо понимала, что никак не смогу уберечь их от этого. Во-первых, никто не станет меня слушать. А во-вторых, я не собиралась им ничего говорить об этом.

Я зевнула, мне сильно захотелось спать. Какое это радостное чувство — хотеть спать, настоящее наслаждение, осо-

бенно для старухи, страдающей бессонницей. И проверила дверь на предмет надежности замка и поспешила в постель. Не включая свет, я добралась до кровати и легла. Сон не ушел. Он лишь сделал мои мысли более туманными и неважными.

Вот бы тихонечко умереть во сне, так легко и не больно, от внезапной остановки сердца, например. Какой это был бы подарок! Жаль только, что сердце мое не давало никаких сбоев и я отличалась крепким здоровьем для своего преклонного возраста.

Морфей обнял меня своими нежными объятиями, и я заснула тем крепким сном, о котором каждую ночь тщетно мечтала. И приснилась мне юная девушка, которой я когда-то была, которая любила жизнь больше всего на свете и которая была так счастлива, потому что еще не знала, какая судьба уготована Богом для нее.

Глава 6

Ася Смирнова, 2002 год

Воскресенье. Доходило десять утра, когда Наташка, моя старшая сестра, зашла в комнату. Постучаться она забыла, как всегда. С тех пор, как родители умерли, моя бедная сестренка взяла на себя те роли, на которые не рассчитывала, в том числе стать моей матерью и главой нашей маленькой семьи из двух человек. Я знала, как ей непросто это дается, поэтому всегда была с ней добра и приветлива. Меньше всего мне хотелось создавать ей лишние хлопоты и заботы.

Пять лет назад, когда произошла трагедия, ей вот-вот исполнилось восемнадцать, а мне одиннадцать. Она училась на первом курсе педагогического вуза, находящегося в трехстах километрах от дома, потому что в нашем городке учебных заведений, кроме трех техникумов и не самого престижного филиала юридической академии, не было. Уехать из дома и начать взрослую жизнь было ее мечтой. Я помню, как они фантазировали с подружками о самостоятельности и парнях, обсуждая то, о чем пока еще ничего не знали. Мы с ней делили одну комнату, так что я становилась невольным свидетелем этих разговоров. Я тогда не понимала своей юной головкой, чему они так радуются, ведь меня пугала жизнь без родителей больше всего на свете. Но слушать их мне нра-

вилось. Особенное удовольствие доставляло наблюдать, как они учились краситься и наряжались на улицу. Сколько бы я ни уговаривала Наташку взять меня с собой, она никогда не соглашалась. «Малявкам там не место», — говорила она мне и смеялась. А я злилась на нее за это. Даже жаловалась маме, но она принимала ее сторону. «Когда подрастешь, то будешь гулять так же со своими подружками», — утешала она и улыбалась.

Сейчас я подросла и могу гулять допоздна. Вот только подружками я практически не обзавелась, кроме Светки, с которой дружба была не настолько крепкой, чтобы ее вообще можно было так называть. Разве что в школе мы сидели за одной партой, давали списывать друг другу и вместе ходили в столовую. А еще Светка рассказывала мне обо всем, что происходит в ее жизни, о мальчиках, что ей нравятся, и о тех, кто ее постоянно раздражает. А это были длинные списки, что тот, что другой. Недавно она решила, что ей нужно встречаться с Лешкой Часовым, и нарекла меня сводней, обязав свести их любой ценой. Мне эта затея показалась не очень хорошей, но я пообещала поспособствовать, чем смогу. Правда, я так ничего и не сделала, если не брать парочки намеков с моей стороны. Не знаю, что мне мешало, но я не хотела, чтобы они встречались. Любому дураку было понятно, что эти двое никаким боком не созданы друг для друга, а значит, вместе им не быть. И пришлось бы мне потом разрываться между ними и выбирать, а Светке бы мой выбор

точно не понравился.

Я больше дружила с мальчишками, они принимали меня за «своего парня», с ними мне было интереснее, чем с девочками. Они научили меня многому, в том числе кое-каким приемам по самообороне и курить. «Бей между ног и беги!» — советовал Сашка.

Но Наташка знала только про самооборону, поэтому к моим «дружкам», как она любила их называть, относилась более-менее снисходительно. Исключением был только Глеб, впечатление о котором у людей складывалось еще до того, как они успевали узнать его лично. Про его мать знал весь район, а самого Глеба автоматически считали яблоком, недалеко упавшим от яблони.

С тех пор как она заняла спальню, где жили родители, а я осталась в нашей старой комнате одна, моим друзьям даже разрешалось ко мне приходить, чем они периодически пользовались до тех пор, пока мы не обжили крышу в соседнем доме. Несмотря на то что Наташка работала почти каждый день в магазине и приходила поздно и у меня дома нам никто особо не мешал, крыша была тем местом, где мы чувствовали себя свободнее и счастливее. А еще там можно было курить и говорить обо всем на свете.

— Вставай, а то дрыхнешь до обеда, — сказала сестра, вытирая руки о фартук.

— Какой обед? Еще утро, и не в школу! — Я возмутилась для видимости, хотя уже давно привыкла, что она так делает.

— Завтрак на столе. Цветы я купила. — Ее взгляд смягчился. — Ты забыла, какое сегодня число?

Годовщина смерти родителей. Я помнила. Несмотря на все мои попытки забыть.

— Поедим и поедем на кладбище. Я вчера в магазине взяла конфеты и печенье. Положим на могилку. И угостишь своих друзей, пусть помянут. — Она вышла из комнаты, оставив дверь нараспашку.

Ее голос никак не выдавал чувства, но я все равно о них знала. Она держалась ради меня. Иногда я боялась, что ее сердце зачерствеет и даже принц на белом коне не сможет его растопить. Еще больше я боялась, что сможет. И тогда я останусь совсем одна. Эгоизм молодых не знает меры. Я так рано повзрослела, что чувствовала себя порой такой взрослой, что моему эгоизму приходилось двигаться, уступая место состраданию.

Конечно, я мечтала, чтобы у Наташки появился парень и она стала счастливой. Я знала, что она не бросит меня, пока я не вырасту. Тем более, мне уже стукнуло шестнадцать. Но ее часики тикали, а горизонт был пуст, словно она стояла посреди песчаной пустыни и оазис счастья и любви был лишь миражом.

Честно сказать, я поняла это не так давно. Лишь тогда, когда Купидон, чтобы его черти съели, пронзил меня своей отравленной стрелой. Я не знаю, специально ли он целился в меня, но тот факт, что он попал в самое сердце, а не прошел

черкашом по касательной, подтверждал серьезность его намерений. Почему он забыл совершить второй выстрел, которым бы пронзил объект моих страданий и вожделений, хотя бы по касательной, спросить мне было не у кого. Купидону повезло, что никто его в глаза не видел, иначе я бы локтями растолкала очередь желающих выдрать ему все волосы и лично бы воткнула его стрелы ему же в задницу. На миг я представила, что случилось бы, если бы до него добралась Светка. Она бы сорвала с его плеча колчан, оставив кровавые следы от своих когтей, и пошла бы расстреливать всех симпатичных парней на районе, чтобы потом было из кого выбирать.

От этих мыслей я засмеялась. Можно ли смеяться в такой день, когда нужно плакать и грустить? Но я верила, что мама с папой будут только рады, что мы научились смеяться. Пять лет — это так много, чтобы носить траур. Особенно это невыносимо долго, когда скучаешь. А я очень скучала по ним. Они были такими хорошими родителями. Мама всегда целовала меня перед сном и долго гладила, пока я не усну. Она была такой тихой, доброй и нежной, как цветок, который поливал мой папа. Он ее любил бесконечно. Несмотря на его грозный вид и грубый голос, рядом с ней он превращался совсем в другого человека. Только с ней он делался таким, вот что делала с ним любовь.

Однажды я прочитала в какой-то книжке, что Бог забирает хороших людей не из-за несправедливости, а лишь пото-

му, что там, наверху, ему тоже нужны хорошие люди. Может и бред, но так думать мне было легче.

Когда они разбились, мне казалось, что я никогда больше не смогу улыбаться. Но я научилась. Одно только до сих пор не отпустило — я боялась машин, как чумная, и твердо для себя решила, что везде можно дойти пешком. А если нельзя, то мне туда и не надо.

На завтрак была яичница с сосисками. Наташка всегда готовила завтрак, даже если уходила на работу. Она просто вставала пораньше ради меня.

— Вкуснятина, — сказала я, садясь напротив нее.

— Завтракать нужно обязательно. — Она напомнила мне учительницу.

— Так мама говорила.

Сколько я ее помнила, она никогда не завтракала. Даже мамины возражения не могли усадить ее за стол утром.

— Да, так мама говорила... — повторила она мои слова, не зная зачем.

Дальше мы ели молча. Каждая из нас погрузилась в собственные размышления. Но мы были вместе, рядом.

Как же здорово иметь близкого человека. Это понимаешь не сразу и не всегда. Наташка была невысокого роста, я успела перегнать ее на несколько сантиметров. Но мы были одинаково худенькими и сутулыми, беда не давала нам выпрямить свои спины. Она всегда забирала свои длинные волосы в низкий хвост, хотя они у нее смотрелись идеальными:

прямые, тяжелые, цвета спелой пшеницы. Слишком светлые для натуральных. У меня же волосы пушистые и непослушные. Как у папы. На фотографиях, где он еще совсем молодой, у него на голове была кудрявая шевелюра, напоминающая гнездо. Я часто забирала их в небрежный пучок или заплетала в косичку — так они меньше лезли в глаза.

Мы доели, Наташка помыла посуду, и за мной тоже. Обычно она просила меня, но сегодня особенный день. Наверное, так она старалась проявить заботу, словно хотела показать родителям, что она выросла и со всем справилась. Мама всегда мыла посуду за всеми.

Мы собрались и вышли на улицу. Погода стояла на удивление прекрасная. Птицы пели не хуже оперных певцов. Народ суетился, люди сновали туда-сюда, несколько старушек сажали цветы в палисаднике около дома.

— Все нужно высадить до Троицы, — сказала одна.

— Так Троица в этом году поздно, аж двадцать третьего июня. Ты рано сажаешь, еще похолодает, — возразила ей другая, сидящая на лавочке и явно не одобряющая посадку.

— Никаких холодов не будет! — не унималась первая. — Жара стоит, уже сил нет.

— Купи себе огород и сажай там что хочешь и когда хочешь! — вторая пошла в наступление.

— Тебя спросить забыла! Лезешь, куда не просят! Ты никогда не сажаешь, вот и не учи меня, сидишь своей жопой на целую лавку! — Первая вооружилась граблями, ясно давая

понять, что отстоит свои позиции.

Мы прибавили шаг, чтобы не слышать ругань. До кладбища идти минут тридцать, не меньше. Но Наташка знала, что идти придется пешком. Она и не возражала. Мы вышли на дорогу, по которой машины ездили не так часто. Трава зеленела не по дням, а по часам. Природа так стремилась возродиться после долгой зимы, что не теряла ни минуты. Огромные кусты старой сирени цвели вдоль дороги. Когда я была маленькой, они только начали свой рост. Интересно, кто посадил здесь столько сирени? Я остановилась. Наташка замедляла шаг, не понимая, что я хочу сделать. В руках она держала восемь розочек, завернутых в газету и пакет.

— Хочу сорвать сирень для мамы, она любила, — пояснила я и подошла к самому большому кусту.

Аромат был таким ярким и вкусным, что у меня закружилась голова. Я рвала и рвала ветки, пока охапка не стала такой большой, что с трудом помещалась в свободной руке.

— Я так люблю сирень! — Я окунулась в собранный букет и втянула носом нежнейший запах.

— Нет, тебе нравится сирень, но ты ее не любишь. Разве ты лишила бы жизни эти цветы, разве оставила бы шрамы на дереве, если бы действительно любила их?

Ее вопрос будто не требовал ответа.

— Маму я люблю больше. — Я все-таки ответила.

Весь оставшийся путь мы молчали. А я обдумывала ее слова. Что же значит любить? Разве любовь — это не есть

желание всегда быть рядом? Разве это не стремление стать счастливым и сделать все для этого? А может, это просто любовь к себе и не более? И вовсе не о цветах я думала в этот момент.

Ворота кладбища были открыты. Похоронная процессия шла полным ходом. Я остановилась, словно боялась помешать им. Наташка взяла меня за руку и потянула вперед. Народу было немного. Может, умер какой старик. Если бы кто молодой, мы бы непременно узнали. Такие вести разлетались быстро.

Обидно умирать в такое прекрасное время года. Мы шли следом за ними, стараясь держаться поодаль, не хотелось принимать участие. Дойдя до развилки, мы свернули налево и пошли по дорожке вдоль могил. Некоторые были ухоженными, а другие же заросли травой, словно готовились исчезнуть. Сначала исчезает память, а за ней и могилки. Такова жизнь, к сожалению. Я шла, склонив голову, словно извиняясь перед ними за то, что еще живу, когда они уже нет.

Родители лежали недалеко от березки, их место мы увидели издалека. Два выгоревших креста, две выцветшие от времени и солнца фотографии. Но вместе, как два самых близких человека. Лавочку и столик помог сколотить дядя Коля, работник кладбища. Сделал бесплатно, даже просить не пришлось. Сжалился над двумя сиротками, ясное дело. В то время когда родители разбились, весь наш маленький городок содрогнулся. Люди шли к нам, знакомые и не очень, пред-

лагая помощь и пытаюсь оказать поддержку. Мы же хотели спрятаться ото всех, закрыться от жестокого мира, отрастить панцирь, защищающий от посторонних и чужих. А такими мы считали всех, кроме друг друга.

Наташка положила цветы и села на лавочку. Я стояла с охапкой сирени. Мама была такой молодой и красивой на фотографии. Так похожа на мою сестру. Точнее, Наташа была похожа на маму, словно копия. Иногда я даже завидовала ей в этом.

— Ты первая, — сказала она и поднялась.

Мы никогда не говорили с родителями вместе. Только по очереди, наедине. Когда она отошла на безопасное для моих слов расстояние, я начала:

— Мамочка, папочка, у нас все хорошо, не переживайте.
— Слезы выступили глазах, хотя я их так рано не ожидала.
— Я влюбилась. Он очень хороший, хоть и скрывает это от других. Но он меня не любит, так что не переживайте. В школе у меня все нормально. Ну почти, физрук на меня ругается, что я не очень хорошо прыгаю, но я к этому и не стремлюсь. Я знаю, что вы на меня смотрите и видите все, что происходит в моей жизни. С Наташкой мы живем дружно, хорошо ладим. Только у нее так никого и нет, мне кажется, она переживает из-за этого. А я из-за того, что думаю, будто это из-за меня. — Я никак не могла выразить свои мысли. Слова словно встали поперек горла, как кость от рыбы. Я так много хотела им сказать, но будто все позабыла. — А еще...

простите меня... что я курю. Я брошу, обязательно, обещаю. Вот подвернется повод, и я сразу брошу.

Я положила сирень на могилу и отошла. Наташка наблюдала издалека и пошла мне навстречу. Она поняла — ее очередь. Мы прошли мимо друг друга, словно незнакомые люди. Я прятала глаза, полные слез, будто этого стоило стесняться, а она шла на исповедь, с тяжелым сердцем, готовясь к облегчению.

Я шла вперед, среди ушедших людей, наблюдавших за мной с фотографий. Живых практически не было, не кладбищенский сегодня день. Я повернула направо, шла, куда вели меня ноги, а не голова.

У одной могилы сидела какая-то бабушка. Я испугалась, что нарушила ее уединение, и остановилась. Пройти мимо или пойти обратно? Что делают в таких случаях? Я понятия не имела. Она меня заметила. Подняла свои грустные сухие глаза. Я ее узнала. Это была Лешкина соседка, да, точно она. Одинокая старуха из семьдесят второй квартиры. Я видела ее не часто, но она мне почему-то запомнилась. Было в ней что-то, не как во всех остальных бабульках. Она помахала мне рукой, то ли здороваясь, то ли подзывая.

Я подошла к ней.

— Здравствуйте. — Голос мой куда-то пропал, удалось только прошептать. — Извините. — Я не придумала, за что прошу прощения, может, за то, что подошла.

— Здравствуй.

Ее я услышала впервые. Только что я поняла, что она никогда ни с кем не разговаривала.

— У меня здесь родители, сегодня у них годовщина.

— А я пришла к мужу, он умер от инфаркта, десять лет уже прошло.

Мы изъяснились друг перед другом, хотя это и не требовалось.

— Мне очень жаль, — искренне сказала я.

— И мне. — Наверное, она заметила мои красные глаза.

— Меня зовут Настя, но все называют Асей. — Господи, что я говорю, зачем?

— А я Галина Ивановна. — Она по-доброму кивнула и улыбнулась.

— Хорошо. — Ничего умнее я не придумала и смутилась. — Я пойду.

Я развернулась и сделала несколько шагов, как она окликнула меня:

— Пойдите, Ася. Вот возьмите кусочек пирога, к чаю. Помяните моего мужа.

— Спасибо. — Я взяла пакет с пирогом и пошла обратно. «Отдам Глебу, он вечно голодный», — подумала я и, не оглядываясь, зашагала к Наташке.

По дороге домой нам встретились ребята. Глеб, Лешка и Илья стояли на обочине и оживленно разговаривали. Они ждали Сашку, догадалась я. Скорее всего, собираются на заброшку. Мне захотелось пойти с ними, но я решила не остав-

лять Наташу одну. По крайней мере, сегодня. Мы поздоровались, и я протянула Глебу пакетик с пирогом:

— На, съешь.

Он стал словно еще хуже.

— Это что за харчи? — Глеб оживился и открыл пакет.

— Откуда?

— Сама испекла, для тебя старалась, — съязвила я, решив умолчать об истории пирога.

— Ну спасибо. — Он откусил полпирога и начал жевать.

— Вкуснотища! Пойдешь с нами?

Наташа стояла в стороне и смерила меня строгим взглядом.

— Нам пора, — сказала она.

— Не сегодня, мне нужно домой, — бросила я ребятам и пошла за сестрой.

— Не нравятся они мне, странные какие-то, — тихо произнесла она, когда мы немного отошли. — Не связывайся ты лучше с ними. — Наташа остановилась и повернулась. — Не к добру такие друзья. Втянуть в неприятности, сама и не заметишь. Особенно этот, неблагополучный.

Я поняла, что она имеет в виду Глеба.

— Он лучше, чем ты о нем думаешь. — Мне всегда было неприятно слышать подобное о нем.

— Это меня и пугает, что ты порой видишь людей лучше, чем они есть на самом деле.

Она зашагала вперед маминой походкой, а я шла следом,

как нашкодивший ребенок. Хотя я ничего не сделала. И я давно не ребенок.

Глава 7

Глеб Козлов, 2002 год

Я толкнул ногой дверь квартиры. Было не заперто. Запах помойной вони, промокших окурков и перегара ударили в нос. Было тише, чем обычно, словно попойка закончилась одновременно с выпивкой и пьяные тела разбрелись по углам с одной целью — забыться во сне. Я увидел обшарпанные стены коридора, обои на которых не переклеивались ни разу на моей памяти. Запах мочи доносился из приоткрытого туалета.

Я включил свет, и тусклая лампочка, одиноко висящая под потолком, начала подмигивать мне. Я устал так сильно, что ноги, словно налитые бетоном столбы, с трудом шевелились. Я прошел на кухню и увидел горы бутылок, грязной посуды, объедков и какого-то тряпья, раскиданного повсюду.

Квартирка состояла из двух маленьких комнат, в одной ютился я, а зал и кухню захватили моя мать и ее дружки-собутыльники. Окно в зале было давно разбито и заклеено полосками скотча. Он шуршал и посвистывал от ветра.

Обстановка квартиры смотрелась такой ущербной, что трудно было представить, что здесь может жить человек. Старый диван, принесенный с помойки лет пять назад, покосился на один бок. Ножка с одной стороны давно отвали-

лась, делая из него инвалида, уже никогда не способного на побег из этого ада. Дыра в обивке походила на рот, перекошенный от гнева и отчаяния. На полу валялись старые одежды и еще какая-то рвань, служившая ночлегом для материных «гостей».

Допотопный шифоньер походил на огромный гроб, а его открытая дверца словно приглашала в чистилище. Свет уличных фонарей, преградой которому были только деревья за окном, создавал ужасающие узоры на стенах и без того страшной квартиры.

Это мой дом, который я никогда таким не чувствовал. Я был словно пленник, заточенный в самую страшную камеру, и лишь побег отсюда давал мне силы жить и дышать. Я ненавидел здесь все, каждый угол, каждую мелочь, каждое воспоминание, рожденное здесь, травило меня хуже крысиного яда. Я ненавидел себя за свое бессилие, ничтожность, за свою жизнь, что мне уготовила судьба. Почему именно я? Почему со мной все это вышло? Как Господь дал право этой дрянной женщине родить меня на свет? Зачем она родила еще троих ни в чем не виноватых детей, имена которых она даже не помнит?

И вдруг я увидел себя со стороны, юного парня, стоящего посреди убогой и темной квартирки. Сутулая спина, худоба, больше походившая на болезненную, чем на природную, высокие скулы, проваленные, выцветшие глаза, словно в их голубой цвет плеснули отбеливателем, светлые отросшие во-

лосы, грязные и спутанные русые кудри, старые джинсы и свитер с чужого плеча равнодушных ко мне.

Потерянный мальчик, которому уже нечего было бояться, ведь жизненный опыт оказался больше, чем у седого старика, познавшего жизнь со всех сторон. Приоткрытый рот, словно в оскале, обнажал ровные зубы, пожелтевшие от табака.

Я увидел душу, треснувшую вдоль, как сухое мертвое дерево на жаре. Душу, не знающую нежности и любви. Душу жестокого и несчастного сироты при живой матери. Если бы я только знал, кто мой отец! Если бы он вдруг оказался нормальным, я был бы самым счастливым на свете. Я вспомнил, как хотел разузнать о нем, но она и сама не знала ничего.

Да и какой нормальный позарился бы на нее?

Я мечтал стать врачом, вырезающим все из нутра таких спившихся шлюх, как моя мать, без наркоза и предупреждения. Я презирал власти, позволяющие таким жить на свете и плодить детей без остановки и разбора.

Но я бессилен. Во всем. Она потянула мою судьбу вслед за своей. Я знал, что люди вокруг считают меня пропавшим, списанных со всех счетов отродьем, рожденным на обочине этой жизни. И я согласен с ними.

Дверь в мою комнату была приоткрыта. Я прислушался, перестав дышать. Стоны, переходящие в мерзкое хрюканье и скрип моей старой кровати, едва доносились. Я сжал руки в кулак и распахнул дверь. Моя мамаша сидела верхом на

каком-то мужике, в чем мать родила. Они предавались плотским утехам в пьяном угаре, даже не заметив, как я вошел.

Гнев рекой хлынул по моим жилам. Я видел это сотни раз за свою жизнь, но больше не мог терпеть. Я хотел стереть свою память навсегда, но не мог. Одним прыжком я подскочил к своему шкафу и распахнул его. Схватив молоток, спрятанный на случай самообороны, я ударил ее сзади по голове со всей силы. Она закричала всего на миг и поникла вниз. Я махал молотком без разбору, куда попадал. Я не мог прекратить. Жестокость перекосила мое лицо, кровь залила всю кровать, но я не останавливался. Я вновь увидел себя со стороны, походившего на палача, сорвавшегося с цепи. Я не произносил ни слова, лишь гулкие хрипы вылетали из меня с потоком воздуха. И вдруг я обессилел, в один миг остановился. Месиво, учиненное мной, мирно лежало на кровати. Они оба были мертвы. Облегчение настигло меня.

И я проснулся.

Я открыл глаза и резко сел. Голова закружилась, дыхание сбивалось, словно я пробежал марафон. Я спал на крыше в палатке. Ночь была холодной, и меня всего трясло. Я не мог прийти в себя ото сна. Шок и ужас сковали все тело. Я лег обратно, пытаясь хоть немного отдышаться. Нашупав около себя одеяло, которое Сашка стащил у матери, я укрылся. Глаза мои были так широко раскрыты, будто рядом со мной лежал тигр.

Ночь еще не сдала позиции. Рассвет не скоро. Вдруг я почувствовал невероятную муку одиночества. Ужас ночного кошмара не отпускал. Мне и раньше снились страшные сны, но никогда прежде в них я не был убийцей. Я был убитым множество раз, погибшим от разных рук и при разных обстоятельствах, но вот убийцей, да еще и таким хладнокровным, — впервые.

Одеяло никак не могло усмирить мою тряску, и я решил выбраться из палатки. Желудок предательски заурчал от голода. Единственное, что я съел за целый день, это кусок пирога, которым угостила меня Ася. Но разве же этого достаточно для молодого растущего организма?

В шинах валялась бутылка с водой, и я припал к ней, как ненормальный. Вода была ледяная, остыла за ночь. Но она могла хоть немного заполнить пустоту и заглушить голод. Потом я достал мятую пачку сигарет и закурил. Спасибо, что Леха недавно подкинул мне курево. Я-то знаю, что он сам ворует у отца. Но наворовать для себя или для нас двоих — разные вещи.

Я уселся на самый край крыши и затянулся полной грудью. Как же хорошо, что впереди лето и я смогу жить здесь до самых холодов. Я принялся рассматривать звезды, что сияли над головой. Как же им повезло, что они так далеко отсюда. Плывут себе по ночному небу, ни о чем не задумываясь. Я бы тоже так хотел. Но я не удостоился такой чести, а был заброшен на эту бrenную землю, чтобы влачить свое

жалкое существование.

А что, если закончить эту жизнь? Прервать ее самому в один миг? Я вдруг поразился своим мыслям. Я никогда не думал об этом вот так, откровенно.

Если я метнусь вниз с девятого этажа, то точно разобьюсь, шансов на другое нет. И не будет тогда ни страха, ни печального будущего, ничего больше не останется.

Вдруг радость этого всего так захватила меня, что я расправил плечи. Словно свобода и моя собственная жизнь вдруг оказались в моих руках. Впервые в жизни я осознал, что я могу покончить со всем этим одним махом, одним своим решением! Я бросил горящий бычок вниз и стал наблюдать, как порывы ветра несут его, кружа и подхватывая, словно пушинку, а мелкие искры отлетают в разные стороны и тут же гаснут.

И я начал смеяться, прямо в голос, на всю мощь, на которую был только способен. Я вскочил на ноги и начал кружиться по крыше, словно балерина, подпрыгивая и крутясь в воздухе. Мне было все равно, кто меня услышит, ведь теперь я держал в кулаке свою собственную судьбу и мог сам ею распорядиться. Я был счастлив и свободен по-настоящему впервые в жизни. И я не мог удержать эту радость в себе. Смех перешел в слезы. Они катились по щекам и капали на пол старой крыши. Но я не останавливал свой танец свободы. Лишь ветер был свидетелем всего и, кажется, подхватил мой голос и унес его далеко, развевая над городом.

Глава 8

Леша Часовой. 2002

После событий последних дней мои отношения с отцом испортились еще больше. Он практически со мной не разговаривал, лишь смотрел исподлобья, словно бык на красную тряпку. Я чувствовал, что гнев его выйдет наружу рано или поздно, поэтому старался не усугублять и оттягивал этот момент. Если бы я самолично облевал подъезд и помочился на соседскую дверь, то сам бы сцепился с ним, как пить дать. Но держать ответ за своих провинившихся друзей мне не очень-то хотелось.

Уборка в подъезде, по мнению моего отца, служила неплохим наказанием, но недостаточным, чтобы удовлетворить его окончательно.

Ко всему прочему у ребят тоже разгорелся нешуточный скандал. Илюха, отправившись ночевать к Сашке, забыл поставить в известность своих родителей, так как был просто не в состоянии это сделать. И его переживающая мама, тетя Лида, пустилась на поиски пропавшего чада. Оббежав вместе с отцом весь район, она позвонила домой Сашке, но звонка он не услышал и потому не ответил. До нас она тоже не дозвонилась, так как на ночь моя мачеха отключает телефон, чтобы он не разбудил ее драгоценных детей. Звонить Глебу

смысла не было, так как его телефон отключен давным-давно, а номеров других друзей своего сына она не знала.

Когда поиски не увенчались успехом, они побежали в милицию писать заявление. Так как пропавший числился таковым всего несколько часов, в милиции их заверили, что пускаться в поиски еще рано, и посоветовали зайти снова дня через три. На истерику несчастной женщины и угрозы пришедшего с ней мужчины в отделе выразили надежду, что ждать три дня не придется, потому что парень наверняка отыщется этой же ночью.

Но тетя Лида не из той породы женщин, которых можно хоть в чем-то переубедить. Годы тяжелой работы на заводе, превратившие ее в матерого мужика, которого побаивался даже собственный муж, побудили ее схватить за ворот бессердечного сотрудника милиции и трепать его до тех пор, пока чувство долга не смогло пересилить букву закона.

Бедный мужчина не смог отбиться и вывернуться, тут же проявил сердобольность и под смех своих сослуживцев, на чьих глазах и развернулась драма, схватил головной убор со стола и отправился на поиски мальчишки, заочно посчитав его премерзким, глядя на родителей.

Тетя Лида решила сначала провести его по тем тропам, которые они с отцом уже успели осмотреть, так как надеялась, что Илья там неожиданно появится. Через час, прошерстив все возможное и невозможное и так и не найдя своего сына, она, заручившись поддержкой мужа и милиционе-

ра, решила отправиться домой к его друзьям. Важно было понять, кто еще пропал вместе с ее отпрыском, и, если таковые обнаружатся, заручиться помощью других родителей, что, несомненно, ускорит поиски.

На беду моих друзей, еще не успевших протрезветь и спавших у Сашки дома, в первую очередь они отправились именно туда.

На часах доходило два часа ночи, когда на пятом этаже моего подъезда начался переполох. Тетя Лида начала стучать в дверь и звонить в звонок. Милиционер, безропотно следовавший за ней и выполнявший все ее указания до этого времени, вдруг принялся оттаскивать ее и успокаивать. Вы, мол, разбудите весь подъезд, а вашего сына там, возможно, и нет! Я сам!

Стучать он, по правде говоря, начал ничуть не тише, чем тетя Лида, но ей это было только на руку, поэтому упрекать его она не стала. А лишь кричала из-за его спины «Илюша!», целясь, видимо, в дверной замок, а попадая прямиком в ухо несчастного правоохранителя.

Дверь долго не открывали, и тетя Лида, переполненная нетерпением, терялась в догадках, то ли Лариса, мама Саши, тоже кинулась на поиски своего сына, пропавшего вместе с Ильей, то ли спит, как пожарная лошадь.

Минут через десять им удалось достучаться, дверь открыл заспанный младший хозяин квартиры, который, увидев родителей Пирогова в сопровождении сотрудника ми-

лиции, сразу пробудился. На выяснение местонахождения Ильи ушло минуты две. И это были последние две спокойные минуты в жизни последнего. Поняв, что никого из взрослых, а именно мамы Сашки, дома нет, тетя Лида молнией метнулась в комнату и кубарем стащила с дивана своего сына. Он, бедный, так ничего и не понял, но жутко перепугался. Так как Илюха парень крупногабаритный, мать передала его, держа за шиворот свитера, который он в суматохе надел наизнанку и задом наперед, отцу и строго велела ему так и тащить поганца до самого дома. Парни еще не успели толком протрезветь и до конца понять, что вообще с ними происходит.

Когда беда, казалось, миновала, и вся семья Пироговых зашагала в сторону дома под ругань тети Лиды, забыв напроць про милиционера, ставшего свидетелем всей картины, он догнал их и напомнил о себе.

Уточнив, какой возраст у мальчиков и поинтересовавшись, почему они в нетрезвом состоянии, он недвусмысленно намекнул, что дело это так не оставит и придет к ним обязательно утром с официальным визитом.

Растерянность и расстройство четы Пироговых было трудно описать словами. А милиционер, отомстив наконец-то за себя и свою честь, удалился в противоположном направлении с гордо поднятой головой.

Историю эту во всех подробностях я подслушал у себя дома от самого дяди Володи Пирогова, прибежавшего к моему

отцу за советом. Послала его, видимо, жена, чтобы выяснить, как избежать наказания от рук милиционера и заручиться помощью в случае чего. Отец же мой поведал ему о том, как ребята вели себя накануне вечером в подъезде, и они оба театрально схватились за головы, обеспокоенные будущим своих наследников, которые катились по наклонной.

Так начался мой день, и я всерьез распереживался. Пропыгнул из своей комнаты к выходу, тихонько обулся и пошел к Сашке на пятый этаж. Видок у него был, надо сказать, не очень. Его мама должна была вернуться к вечеру, и он отлично понимал, что тетя Лида не станет молчать. Она никогда не позволит своему сыну позориться в одиночестве, тем более если есть возможность притянуть кого-то еще.

— Мне конец, — проямлил Сашка, лежа на диване. — Если мать узнает, она меня прибьет!

— Да уж... — Я не нашел, что сказать. — Плохо дело...

— Ты прям умеешь поддержать! Рад, поди, что тебя с нами не было! — завопил он и отвернулся.

— Нашел виноватого! Эй, полегче, а то я сейчас уйду, будешь сам разгребать! — возмутился я.

— Как будто ты сможешь мне помочь чем-то...

Я поведал ему историю, которую рассказал дядя Володя, напугав его угрозами милиционера еще больше.

— Черт, гребаный мент! — Он подскочил, но, потеряв равновесие, плюхнулся обратно.

— Экзамены на носу, через три недели мы все закончим

школу, эту историю нужно как-то замять, — рассуждал я. — Твоя мама же важная шишка, она имеет связи, неужели не поможет?

— Если и поможет, то только ради своей репутации, а никак не ради меня.

— А тебе не все ли равно? На учет не поставят, это главное!

— Ох и орать же она будет, страшно представить, аж в ушах зазвенело.

— Надо как-нибудь узнать, как там Илья. Он живой, я надеюсь.

Я налил воды из графина, стоящего на столике, и передал другу.

Он жадно накинудся и выпил все в несколько глотков. Мы решили позвонить Пироговым, и если трубку снимет тетя Лида, то мы молча сбросим, никак себя не проявив.

После трех длинных гудков трубку снял сам Илья.

— Привет, как ты там? Говорить можешь? — Я обрадовался, что подошел именно он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.